

Предисловие

До настоящего времени русскоязычный читатель не имел возможности познакомиться в более ли менее полном объёме с удивительным миром албанских сказок и легенд – издание, которые вы держите сейчас в руках, первое представительное их собрание такого рода – но, занятым образом, на особой разновидности «албанского» у нас общаются уже около десяти лет, в основном юные, энтузиасты всевозможной компьютерной коммуникации. С момента появления в русском этого «наречия» меня немало занимало то, почему попросту орфографически искажённый русский (*Превед, медвед, афтар, вытий йаду и розбейся галавой апстенку*) если взять пару самых распространённых образцов) получил прозвище именно «албанского», и лишь в этом году, в ходе работы над переводом (с английского) баллад и легенд Албании, в книге **“Клятвы и Феи”**, в любовном и мастерском переложении албанского же современного автора Мустафы Тукая, мне открылась одна из очень вероятных и убедительных причин возникновения именно такого названия.

Дело в том, что фонетический строй албанского весьма близок русскому – до того, что многие слова обоих языков звучат и пишутся буквально одинаково, но при том означают совершенно – до изумления – разное. Например,

одного из главных героев многих легенд в книге, благороднейшего богатыря и витязя, зовут *Муй*, возглавляемая им хоробрая дружина именуется *Тцетой*, а самое ценное, самое центральное понятие и всех баллад-легенд и, очевидно, в целом души албанского народа – это его “удостоверение личности „ и несгибаемый, вызывающий гордость, стержень – называется словом “*беса*”. Перед лицом такого дива чуткому и ответственному переводчику приходится искать более ли менее подходящие замены, дабы не дать ненужному ассоциативному эху зазвучать в ушах будущего читателя и тем самым заглушить, исказить и затуманить в его восприятии истинные смысл и пафос оригинала. И поэтому *Муй*, ничего не поделаешь, так и остаётся *Муьем*, а *тцета* превращается в *чѣту* (причем именно так, с буквой “Ѣ”), а “*беса*” изгоняется в “*безу*”. Понятно, что и при такой трансформации не удаётся целиком уйти от нежелательного ассоциативного фона, но дальнейшее и более решительное вольничание для переводчика попросту непозволительно.

С другой стороны все эти созвучия и призвуки сами собой рождают атмосферу таинственности и удивления и нашему читателю остаётся лишь гадать, каков же он в действительности, этот самый великий и благородный Муй, что это за “беза, такая , которая не просто дороже жизни, как в былые времена, скажем, честь для русского офицера-дворянина, но

вообще важнее и страшнее и твёрже любых клятв и обетов, известных всем остальным народам – по меньшей мере европейским или даже индоевропейским.

И тут необходимо заметить, что и сам албанский язык таков: будучи признанным членом индоевропейской языковой семьи, он стоит в ней особняком, как греческий и не имеет сколь-нибудь близких родственников. Современные известные албаноологи утверждают, что он вообще не похож ни на один из существующих в мире языков и происходит от языка древнего народа иллирийцев, о которых Гомер пишет ещё в Илиаде и которые жили в то же время как и греки, этруски или даки. Существует даже возникшая недавно точка зрения, что имена египетских фараонов и богов могут иметь общие корни с древнеалбанскими именами.

Географически занимая небольшую территорию, имея выход к Ионическому и Адриатическому морям, Албания расположена между Италией на западе, Черногорией на севере, Косовом и Македонией на востоке и с Грецией на юге и, подобно некоторым из названных стран, исторически испытала на себе сильное влияние Турции. Всё это лишь добавляет ей загадочности в глазах читателя - новичка и заставляет ещё сильнее дивиться тому, как небольшой народ смог – при заметном влиянии турецкой империи (5 веков турецкого ига, отразившегося в легендах множеством мусульманских имён) и о в окружении

других неродственных народов - сохранить свою редкую самобытность. При этом большинство нынешних городов Албании возникли задолго до нашей эры.

Лорд Байрон, который, будучи 22-х лет от роду и впервые путешествуя по наполеоновской Европе тех дней, начал писать своё знаменитое “Паломничество Чайльд Гарольда” именно в Албании, с изумлением и радостью отмечал поразительное сходство албанцев со своими шотландскими предками – суровыми и мужественными, но столь же великодушными и щедрыми в дружбе горцами. По Байрону, албанцы – это горцы Балкан и средиземноморья вообще. Русскоязычному читателю более известны кавказские горцы – по произведениям Пушкина, Лермонтова и Толстого, а также по событиям последних десятилетий в Чечне. Однако, находя при чтении “Баллад и легенд Албании”, некоторые общие с ними черты, невозможно не заметить и характерных отличий – подыскать параллель которым весьма затруднительно. Албанский легендарный характер представляется неким синтезом славянского, кавказского и западно-европейского. И всё равно – его самобытность ускользает от стороннего описания и чёткого аналитического определения.

“Баллады и легенды Албании” в современном исполнении Мустафы Тукая, вызывая в памяти русские былины с их Ильей Муромцем и

Добрыней Никитичем (братья Муй и Халил) и некоторые родные нам с детства сказки “Бой на Калиновом мосту”, поражают как подробностью и красотой описаний природы и вообще мира, в котором разворачиваются действия и происходят битвы и подвиги, так и гулкой, поистине горной суровостью и величием характеров не просто действующих лиц, но именно героев.

Ещё одной отличительной чертой этих сказаний является то, что женщины в них, будучи все красавицами с белой кожей, золотыми волосами, голубыми глазами и ясными нежными ликами, не уступают в твёрдости, смелости и верности слову своим мужьям, братьям и сыновьям. А вместо привычной нам бабы Яги – милые и хрупкие, почти прозрачные горные и озерные феи. И они не просто верные помощницы отважным и добрым людям – так сказать сверху вниз, из горнего мира дольнему – но они также ждут существенной взаимной подмоги и от смертных и требуют её в моменты трудностей и получают. Этот момент в албанских преданиях, странным образом, уравнивает людей и сверхъестественных, собственно сказочных существ. Такой поворот, казалось бы, должен роднить их с мифами и легендами древней соседней Греции, хотя на вкус это совсем-совсем иное.

Но, может быть, самым необычным для русского читателя станет то, что большинство

сказок и легенд в книге отнюдь не оканчиваются фразами вроде “*и жили они долго и счастливо...*” или “*и стали они жить-поживать да добра наживать...*”. Напротив, многие тексты имеют либо просто суровый либо откровенно трагический финал. Однако, странным образом, такая нота несёт с собой ощущение величественного и резкого, полного окончания – завершенности – а вовсе не мрачности, как могло бы казаться.

И при всех этих особенностях и необычностях несомненно одно – опыт знакомства с книгой, которую вы сейчас держите в руках и в которую намерены углубиться, обогащает, облагораживает и воспитывает душу на уровне выше и шире любого конкретно национального или этнического – на общечеловеческом.

Александр Верников

Крепость Розафы

Т

ри дня и три ночи непроглядный туман покрывал реку Буну от берега до берега, расстилаясь на сколько хватал глаз. Вдруг, откуда ни возьмись, поднялся ветер и унёс его на Валданузов холм, где трое братьев, строившие там замок, уже давно с интересом наблюдали за туманом.

Все они были силачи и лучшие каменщики во всей стране. Они гордились своим мастерством и лучшей наградой им было, когда дело спорилось и подвигалось как следует. Но на сей раз их труды заставляли их лишь горько кручиниться.. Каждый день они возводили стены, чтобы те были крепкими и надежными, вырубая из твёрдого камня глыбы нужной величины и формы, а затем вырезая на них дивные образы из легенд и преданий. Однако едва спускалась ночь, все плоды их усилий, к их

величайшему изумлению и ужасу, рассыпались на куски. Так случалось раз за разом и, доведённые до отчаянья, братья решили не спать в одну из ночей и выяснить кто же чинит весь этот разор.

Сперва по очереди, а потом и все втроём, несли братья стражу, исполненные решимости обрушиться на головы тех неведомых злодеев, которые по ночам превращали в груды обломков и щебня поставленные днём стены. В ту ночь небо было чернее чёрного и в мёртвой тишине до самой полуночи братья вглядывались и вслушивались, но так и не сумели ничего ни увидеть ни услышать. И вдруг, точно земля затряслась, стены принялись дрожать и рассыпаться так, что куски летели наземь прямо у них над головой. И такая могучая сила творила это, что каменные глыбы раскалывались сверху донизу, точно то была бумага, которую может порвать своими ручонками любое малое дитя. Объятые ужасом и горем, братья бежали к себе в дом.

Когда настало утро, братья в тоске и тревоге вернулись на холм. Их большие молотки и прочие орудия валялись на земле. Не смея вновь приняться за работу, они сидели в безмолвии, свесив головы от тяжкой думы. Внезапно они заметили, что к ним ковыляет какой-то старик. Никто не знал откуда он взялся! Когда - то он был высок, но теперь весь сгорбился, высох и стал худым, одни кожа до кости. Он опирался на посох, держа его перед собой. Подойдя вплотную, он перевёл на братьев глаза,

словно устремлённые куда-то вдаль и почти незаметные в густой и совсем белой бороде, сплошь покрывавшей его морщинистое лицо. На нём было темно-серое рубище, а на ногах - простые сандалии из воловьей кожи. Когда старик открыл рот, его голос зазвучал как гулкое эхо, будто говорила пещера.

– Доброе утро, каменотёсы! – сказал он.

– Доброе утро, старче! – отвечали братья.

– На ваших лицах, друзья мои, видна озабоченность и уже так поздно, солнце уже высоко в небе, а вы ещё и не приступали к работе.

– Достопочтенный, мы уже отчаялись! – молвил первый из братьев.

– Все наши старания как вода в решето! – молвил с досадой второй.

– Мы трудимся попусту! – молвил третий.

Первый брат продолжал:

– При свете дня мы делаем всё, что в наших силах, чтобы выстроить стены этого замка, но по ночам они рушатся вновь и вновь. Ведомо ли тебе, добрый старец, из-за чего так происходит?

Старик в задумчивости почесал голову и пыль странствий поднялась над его могучей гривой точно песчаная буря над пустыней. Он тряхнул головой в знак подтверждения и промолвил:

– А приносили ли вы что-нибудь в жертву этому месту, для удачи в постройке замка?

– Да, – отвечали все разом. – Сперва петушка, потом овцу, а два дня назад целого вола...
– прокричал младший из братьев.

– Тут требуется больше, куда больше! – вздохнул старец и устремил взгляд в поднебесье.

Братья переглянулись в недоумении, но не проронили ни слова. Старик вновь обратил на них свой приковывающий взор и наконец сурово произнёс:

– Дух замка жаждет человеческой жертвы!

Потрясённые, братья онемели, будто кость застряла в горле у каждого. Никогда прежде не требовалось от них такого; они возвели множество храмов и замков и совершили множество жертвоприношений, но ни одного человеческого.

– Да, – настойчиво продолжал старик, – и принесённый в жертву должен быть из вашего ближайшего родства...

Его слова были точно яд, медленно вливавшийся против воли в горло каждого из братьев по очереди.

– Вы должны пожертвовать тем, кого любите и этот человек должен быть заживо вмурован в кладку замка, дабы его основание было прочным и надёжным и чтобы крепость стояла века.

Лица братьев, и без того землистые, покрывались смертельной бледностью по мере того, как старик продолжал свои наставления.

– Вы ведь все женатые?

Братья кивнули.

– Если вы желаете, чтобы замок устоял, вы должны поклясться друг перед другом ни словом не выдать женам то, что у вас на уме. И та из ваших жён, которая завтра принесёт вам обед, и будет принесена в жертву.

Старец горестно опустил глаза, отступил на три шага и растаял в воздухе, будто его и не бывало.

Тем вечером братья вернулись домой с тяжёлым сердцем. Головы их были понуры от горькой печали и тягостных дум. Кусок не лез им в глотку и они рано улеглись спать. Но прежде, некоторое время они стояли у дверей своих спален и молча глядели в глаза друг другу, скрепляя обещание не нарушать клятву.

И хотя свеча в комнате старшего брата была уже задута, если бы кто прислушался, то разобрал бы тихий шёпот за дверью. То же самое было и в комнате среднего из братьев, но младший ничего не сказал жене и всю ночь не смыкал глаз.

На следующий день, когда солнце было уже высоко в небе, мать троих братьев позвала свою первую невестку.

– Доченька, мои сыновья уже, должно быть, устали и проголодались. Будь добра, отнеси им еду, воду и кувшин вина.

– Дорогая матушка, – учтиво отвечала та, – к сожалению, я не смогу пойти сегодня к замку. Я что – то недомогаю, голова у меня разболелась...

Мать позвала вторую невестку.

– Доченька, мои сыновья уже, должно быть, устали и проголодались. Будь добра, отнеси им еду, воду и кувшин вина.

– Дорогая матушка, – учтиво отвечала та – к сожалению, я не смогу пойти сегодня к замку. Мои родители ждут меня в своей деревне, чтобы сообщить мне важную весть.

Лицо матери было багровым от недовольства и гнева, когда она позвала третью невестку, которую звали Розафа.

– Доченька, мои сыновья уже, должно быть, устали и проголодались. Будь добра, отнеси им еду, воду и кувшин вина.

– Конечно, дорогая матушка! – отозвалась та из окна, возле которого качала своего малютку сына.

Розафа была высока и стройна, как кипарис, у неё были длинные золотистые волосы и улыбка, от которой теплело зимней ночью. Она была доброй и кроткой, любимицей всей семьи.

– Дорогая матушка, я сделаю всё как вы велите, но мой сыночек спит и я боюсь будить его, он станет кричать и плакать.

– Я присмотрю за ним! – молвила первая невестка

– Я побаюкаю его в твоё отсутствие! – молвила вторая.

Розафа сложила хлеб и фрукты в корзину, а воду и кувшины с вином в кожаную котомку и отправилась к холму.

Солнце нещадно палило, а она всё шла и шла к замку, стоявшему на высоком холме, на самой вершине. Взбираясь по каменистому склону, она бросила взгляд на восток, на берега волшебного озера Шкодры, что сияло своей чистой красотой, точно покоясь в колыбели окружающих его заснеженных гор. Оно всегда было для неё святыней.

На высоком холме трое братьев работали в поте лица; так усердно они еще никогда не трудились. Их большие молотки рубили камни, придавая тем нужную форму и стены росли на глазах, понимаясь всё выше в поднебесье. И смотреть на это было одно загляденье, поскольку труд целиком поглощал строителей, отвлекая их от дум и разговоров меж собой.

В конце концов первый брат нарушил безмолвие. Он разогнулся и принялся растирать затекшую спину.

– Пить-то как хочется! – воскликнул он.

– Погоди, осталось совсем немного... Вон, я вижу... по холму взбирается жена кого-то из нас... – сказал на это второй брат.

Все трое повернули головы в ту сторону и с тревогой впились взглядом вдаль; каждому не терпелось увидеть, чья же это жена.

Внезапно младший из братьев выронил свой молот из рук и тот упал, расколов камень надвое, будто само его сердце разбилось. Но оно, напротив, бешено забилося у него в груди...

Потрясённый, он не мог поверить своим глазам и весь побледнел от горя.

– Добрый день, мои дорогие девери, здравствуй, мой господин! – почтительно молвила Розафа, идя навстречу братьям.

– Что это, мой повелитель, ты так бледен лицом и отчего ты не поднимаешь на меня глаз? – спросила она, ставя корзину и котомку на землю, к их ногам, – Умоляю, скажи мне что случилось и отчего ты так молчалив?! – не унималась она.

Старший из братьев набрался мужества и посмотрел ей в глаза:

– Сегодняшний день стал роковым для тебя и для нашего младшего брата, наша добрая сестрица... ибо... стены замка, который мы здесь возводим, не желают стоять, если им не будет принесена в жертву человеческая жизнь, неважно, мужчины или женщины. И... этот человек должен быть замурован в кладку и выбор его должен быть определён волей случая; судьбе было угодно, чтобы он пал... на ту из наших жён, ...что принесёт нам сегодня обед. Нам так горько, прости нас, Розафа!.. – проговорил он и со стыдом поник головой.

Ноги младшего из братьев подкосились, он так и сел на камень и сидел не шелохнувшись, точно сам окаменел. Розафа неслышно подошла к нему и положила свою дрожавшую руку на плечо мужу, чтобы утешить его; по её прекрасному лицу скатилась, точно жемчужина, одинокая слеза.

– Возьми себя в руки, любимый! Сегодня наш самый счастливый день. Выше голову, держись прямо, как эти стены, ведь весь народ ждёт, когда же вы завершите свой труд. Я готова, о мои братья, но, прежде чем замуровать меня, сделайте милость, исполните мой завет!...

И хотя голос её дрожал от страха и силы чувства, говорила она с достоинством, подобающим героям сказаний.

– Когда станете закладывать меня, сделайте так, чтобы мои правый глаз, правая нога, правая рука и правая грудь выступали из камня, чтобы если мой сыночек заплачет, я могла бы, как прежде, увидеть его, покачать его люлочку, погладить его и покормить его молоком из своей груди. Мой сын вырастёт настоящим храбрецом! И пусть он однажды станет правителем этой гордой земли!

... Желание Розафы было с почтением исполнено и по сей день, по прошествии многих столетий, её замок по-прежнему возвышается над прекрасным городом Шкодра на севере Албании. Предание гласит, что белый камень замка, всегда влажный на ощупь, будет вечно орошаться слезами и молоком Розафы.

Молодой охотник, девушка и чудовище

Ж

ила однажды на свете женщина и был у неё единственный сын. Он был свет её очей и она души в нём не чаяла. Он был самым сильным и смелым из молодых охотников в своём краю, но в сердце он носил горькую печаль, потому что его постоянно жгли два огня и он разрывался между ними (одним огнём была его мать, а вторым – юная красавица из родной деревни и каждая требовала от него преданности).

Всю зиму жители деревни кое как перебивались, потому что еды едва хватало на всех, а охотники почти не приносили добычи. Однако всем было известно, что на Горе Чудовища было полно зверья и дичи, но юноше было запрещено охотиться там.

“Сынок”, сварливо говорила ему мать, “ты можешь охотиться, где пожелаешь, но только не на Горе Чудовища; это гиблое место, там ты пропадёшь или превратишься в камень”.

Но возлюбленная твердила юноше совсем другое:

“Не смей говорить мне, что любишь меня, если не хочешь ехать на Гору Чудовища! Только там и больше нигде можно добыть вдоволь еды для пропитания.”

Юноша очень любил свою мать, но свою суженую он любил не меньше и чувствовал, что разрывается между ними. Слова матери поселяли в его сердце страх, но от слов возлюбленной в его душе загоралась отвага.

Много дней и ночей провёл он в мучительных думах, пока не почувствовал, что должен наконец принять вызов. Однажды ранним утром, когда холмы ещё были окутаны туманом, а корка льда в колодце ещё не растаяла, он взял своё копьё, свой лук и стрелы, надел кольчугу, вывел из стойла своего коня и отправился на Гору Чудовища.

У подножья горы рос густой лес. Юноша никогда прежде не видел деревьев такой высоты, а самая низкая трава под ними доходила ему до колена. Завороженный этой красотой и роскошью природы, он всё дальше углублялся в лес, забыв всякую предосторожность.

На пути ему то и дело попадались дикие гуси и утки, зайцы, косули и олени. Они никогда прежде не встречали человека и, не зная, что людей стоит опасаться, останавливались, заведев всадника и глядели ему вслед, а он не мог поверить своим глазам и своей удаче.

И вдруг земля под ним задрожала. Вечнозелёные деревья затряслись и с них посыпалась листва, будто разом наступила осень. Жуткий вой раздался сначала с одной стороны, затем с другой, конь под юным охотником обезумел от страха, рванулся и вылетел на широкую поляну.

К изумлению и ужасу юноши перед ним высилось страшное чудовище, самое мерзкое из всех виданных им созданий.

Чудовище походило на отвратительную старуху с семью головами, а величиной и формой напоминало огромный обгорелый кедр – такое же узловатое, перекрученное и чёрное. Все его семь голов сидели на длинных, извивающихся змеиных шеях, которые, вращаясь, тянулись во все стороны. В каждой из голов было по одному изумрудно-зелёному глазу с красным зрачком и без века, чтобы ничего не могло ускользнуть от взгляда гадины. Из всех ртов чудовища шло страшное зловоние и в каждом виднелось не по одному ряду жутких гнилых зубов, не дай бог угодить в такую пасть...

Не успел молодой охотник и глазом моргнуть, как змеиные шеи уже обвинили его со всех сторон, а две свирепые ручищи сдавили его тело мёртвой хваткой. Одна голова оказалась так близко к лицу смельчака, что её тошнотворное дыхание тотчас заставило его отвернуться.

Мгновенно он потянулся за луком, но не успел он зарядить и натянуть его, как чудовище выхватило лук и переломила надвое. Тогда юноша поднял было копьё, но и его чудовище выхватило и мигом сломало, точно соломинку.

У юноши остался один меч, но не успел он и замахнуться им и броситься в атаку, как чудовище дунуло на него и меч вылетел из руки, крепко

сжимавшей его рукоять и воткнулся в ствол дерева поблизости.

Все семь голов мерзко захохотали, а чёрное туловище монстра затряслось от злобного ликования. Чудовище было в таком восторге от своей силы, что с каждым раскатом смеха, из его пасти вылетали огромные клубы огня, опалая землю вокруг и разгоняя перепуганных зверей.

– А теперь, несчастный, – прокричало чудище, – я тебя съем, как съела всех тех, кто посмели сунуться сюда прежде.

Юный охотник выпрямился в седле, поднял глаза и, в отчаянье глядя на чудище, воскликнул:

– Чудовище, твоя взяла! Мне уже нечем с тобой сразиться, но у меня есть к тебе одна последняя просьба. Позволь мне поехать повидаться на прощание с матерью и попросить у неё прощения; ведь я ослушался её и пришёл сюда своевольно. После этого я возвращусь к тебе, обещаю и ты сможешь полакомиться мной!

– Не смеши меня, юнец-молодец! – ухмыльнулось чудовище, – Даже и не подумаю отпускать тебя, потому что ты ни за что не вернёшься...

– Вернусь! – крикнул в ответ юный охотник, – Клянусь тебе всей своей верностью и обещаю тебе Безу, что вернусь!

– Беза! – воскликнуло чудище, – Что это ещё такое?

– Это больше чем клятва, это больше чем верность, это священной самой жизни, – промолвил юноша тихим голосом, – хотя, вряд ли тебе это понять.

На поляне, которая тлела и дымилась, воцарилось безмолвие и в этой тишине все семь голов чудища склонились одна к другой, словно ища друг у друга совета.

– Никогда я не слыхивала такого слова “Беза” и не знаю что значит оно для вас, смертных. Сегодня я сыта и мне хочется узнать, что же это такое. Можешь ехать, но смотри, завтра на рассвете ты должен вернуться ко мне! – прорычало чудище.

Юноша вскочил на коня и во весь опор поскакал домой, где, вся в тревоге, ждала его мать.

– Отчего так поздно, сынок, – вскричала она, – и почему у тебя обожжены волосы?

– Это от огнённого дыханья Чудовища, матушка; оно опалило меня, когда я был на охоте. – отвечал сын – Позволь обнять и поцеловать тебя в последний раз, моя дорогая; завтра на рассвете я должен вернуться туда. Я дал Чудовищу своё верное слово, свою безу..

Сердце матери оборвалось, из её груди вырвался отчаянный крик, а из глаз хлынули слёзы. Сын упал перед ней на колени и прижался головой к её лону, а она гладила его по рассыпавшимся кудрям, чтобы унять его рыдания.

Спустя долгое время он поднялся с колен, вышел из дому и, сев на коня, поехал прочь. В

самом конце улицы он в последний раз оглянулся на мать, стоявшую у порога. Она была безутешна и знала, что теряет всё, что у неё есть. Вскоре юноша подъехал к дому своей возлюбленной.

– Где это ты сегодня пропадал? – спросила она, стоя в дверях своего дома и вся дрожа.

– Я был на Горе Чудовища! – ответил юноша.

Она привстала на цыпочки, обвила его своими гибкими руками и сказала:

– Как я рада! Теперь я точно знаю, что ты и вправду любишь меня!

– Да, это так, но завтра я должен вернуться, потому что чудовище меня победило и ждёт моего возвращения, чтобы сожрать меня. Я пообещал ей, что вернусь, в обмен на возможность последний раз увидеть тебя и сказать прощай.

Девушка не заголосила и не залилась слезами; вместо этого она пошла в дом, быстро переделась в дорожное платье и взнуздала коня.

– Куда это ты собралась? – воскликнул юный охотник в изумлении.

– Я еду с тобой! – непреклонно ответила его возлюбленная.

– Нет, даже не думай! Чудовище – это громадная жуткая старуха с семью змеиными головами, все её пасти изрыгают пламя, а ты слишком юна и прекрасна, чтобы погибать там вместе со мной.

Однако девушка мгновенно всё решила для себя и бесполезно было даже пытаться её разубедить. Юный охотник знал это по прошлому опыту: его возлюбленную было невозможно отговорить, если она уже настроилась на что-то.

– Любимый, я не позволю тебе поехать туда одному; мы отправимся вместе или ты останешься тут, со мной! - сказала она твёрдо.

– Я не могу допустить этого. Я люблю тебя больше жизни, но ради бога, не требуй от меня невозможного. Я поклялся чудовищу, что возвращусь и я должен возвратиться один. Лучше погибнуть, чем жить клятвопреступником! – воскликнул юноша в сердцах.

Девушка посмотрела в его горестные глаза и улыбнулась так нежно, что в душе юноши потеплело. Не молвя больше ни единого слова, она вскочила в седло и пустила коня рысью. Её длинные тёмные волосы подпрыгивали в такт движению, точно ещё один конский хвост и она скакала впереди с такой уверенностью, что он чувствовал: если бы она попросила ехать на край света, он бы не колеблясь последовал за ней.

Они скакали всю ночь. Густые облака, точно плотное одеяло, скрывали луну и звёзды, а в лесу стояла такая тишина, что одно это безмолвие окутывало всадников словно бы туманом предчувствия. За миг до рассвета, когда первые лучи зари показали из-за деревьев, они достигли заветной поляны. Девушка выглядела такой свежей

и полной сил, будто она и не провела всю ночь в седле, пробираясь сквозь лесную чащу у подножия горы, а только что проснулась навстречу новому дню.

Внезапно земля под седоками принялась трястись и содрогаться. Однако на сей раз кони стояли как вкопанные и даже не шевельнулись, когда Чудовище появилось из рассветного тумана и уставилось на пришельцев.

– Так ты все-таки возвратился, юнец-молодец! Да не один, а с Безой! – воскликнуло Чудище в изумлении и радости; оно решило, что “Беза „ было имя девушки.

– Твоя Беза такая прекрасная и нежная на вид. Вчера сытость позволила мне отпустить тебя, но сегодня я чувствую такой голод, что проглочу сначала тебя, а потом и Безу.

– Безмозглое чудище, ты совсем спятило! – крикнула девушка – Как ты можешь съесть Безу, как можно пожрать веру юного сердца? Вчера тебе было дано обещание и оно было исполнено, но сегодня ты ничего не получишь!

Спутница юного охотника метнула в Чудовище молнии своих ослепительных синих глаз и, к своему удивлению, Чудовище не смогло ни сдвинуться с места ни дохнуть на смельчаков пламенем из своего поганого нутра. Оно не могло ни пошевелить своим тяжёлым убийственным хвостом, ни двинуть ни одной из семи своих голов, словно паралич мгновенно охватил всё её тело. Все

семь чудовищных морд исказились паникой, ибо никогда прежде Чудище не сталкивалось ни с кем, кто бы мог сравниться с ним по силе.

– Кто ты, девушка, что лишает меня сил и устрашает своей красотой? – жалобно взвыло Чудище, – Свет, идущий от тебя слепит меня!

– Я дочь солнца и луны. Я осколок небес, падающий на головы злых тварей, чтобы помочь добрым людям! – отвечала девушка.

– Ты победила меня! – злобно прошипело Чудовище, – В целом мире теперь для меня нет места! Ты отняла у меня всю силу. Я навсегда сокроюсь под землю и уже никогда не выйду на свет из преисподнего мрака!

И вымолвив это, Чудовище превратилось в огненный шар, который на миг залил всю поляну ослепительным светом. Несколько мгновений спустя от страшилища осталась лишь грудa пепла, который тотчас был подхвачен ветром и развеян по лесу.

И с того дня юноша и его подруга мирно охотились в этом лесу на протяжении многих-многих лет. Предания гласят, что то было последнее злое чудище на земле, однако поживём и увидим, не появится ли оно в каком-нибудь ином обличье...

Константинова Клятва

Д

Авным - давно жила на свете женщина и было у неё двенадцать сыновей, все настоящие силачи, как на подбор. Вдобавок они были смельчаки и удалцы, каждый – точно могучий дуб среди других деревьев в лесу. И была у неё единственная дочь по имени Дорунтина. Все братья души в ней не чаяли и вскоре она выросла и стала писаной красавицей.

И вот, молва о её красоте пронеслась по стране из края в край, точно лесной пожар и многие захотели взять её в жёны и стали наезжать в дом её матери, чтобы просить руки юной прелестницы.

Однако братья твёрдо стояли на страже своего сокровища и отказывали всем.

И вот, в один прекрасный день, юноша, преодолевший на коне долгий путь через горы, постучался в дверь их дома с той же самой просьбой. Он был высок, ладен, силен и, самое главное, происходил из благородного и знатного рода.

И Дорунтина, и её мать, уже давно вдовая, и все двенадцать братьев с радостью приняли дорогого гостя. Всё в нём устраивало их, всё, кроме того, что он был из королевства, которое находилась за тридевять земель и гор и отпускать Дорунтину так далеко от дома было им невыносимо.

Посоветовавшись, мать и одиннадцать братьев решили отказать славному чужестранцу, но самый младший из братьев по имени Констандин так восхвалял перед ними достоинства гостя, что в конце концов сумел переубедить всех.

– Братья, он благородного звания! – воскликнул Констандин, – Он завоевал себе почёт и уважение своей доблестью у себя на родине, об этом все знают, поэтому оставь свои сомнения, дорогая матушка. Он сразу приглянулся мне!

Но мать всё продолжала противиться, говоря:

– О чём это ты, Констандин? Как я могу отпустить свою единственную дочь в такую даль? Она уже не сможет вернуться ко мне, даже если нас посетят великая радость или страшное горе.

– Не беспокойся, достопочтенная матушка! Я клянусь, я даю мою безу, что если ты захочешь повидать свою дочь в радости или в печали, в счастье или в горе, я отправлюсь за ней и привезу её к тебе.

Мать вместе с остальными братьями раздумывали ещё некоторое время и наконец, уже под вечер, согласились. Они верили своему младшему, ведь он был таким отважным и преданным.

Вся деревня сошлась на свадьбу и все плясали и веселились на пиру девять дней и девять ночей. Вино лилось рекой и все радовались счастьем новобрачных. На десятый день Дорунтина, в слезах обнявшись на прощание с матерью и двенадцатью братьями, отправилась со своим молодым супругом в далёкую страну навстречу своей новой жизни.

...Недолгое время спустя из края в край зазвучал призыв боевого рога: в страну вторгся враг и все мужчины, способные держать в руках оружие, встали на защиту своей земли и пошли биться с захватчиком.

Двенадцать братьев тоже тотчас ушли на войну. Мало было в стране удальцов, которые могли сравниться с ними в мужестве и силе. А их мать осталась одна дома и стала ждать вестей. День и ночь, и дома, и в храме, она, стоя на коленях, молила небеса защитить её сыновей в бою. Она поддерживала огонь в очаге, чтобы он всегда ярко

горел и, вместе с другими деревенскими женщинами, ткала одежду для воинов и делала из лоскутьев бинты для раненых на полях сражений.

К несчастью, вскоре – это было холодным зимним вечером – пришла злая весть о том, что шестеро братьев пали в бою. Это известие разбило материнское сердце, но она не уронила ни слезинки, твёрдо зная в душе, что её доблестные сыновья не напрасно пролили кровь за свою землю.

За одну ночь в копне её черных, как смоль, волос появились седые пряди, а блестящие карие глаза померкли от тревоги и боли, поселившейся в сердце.

Прошло ещё четыре дня и пришла весть о том, что погибли и все остальные братья, включая ненаглядного Костандина. Несчастливая мать не могла поверить в это и в ту ночь, в отчаянье и ужасе, она рвала на себе волосы, а стоны её мук и боли заставляли содрогаться все окрестные горы.

– Будь ты проклята, смерть! – кричала она, – Как ты посмела отнять у меня всех двенадцать сыновей?! Ты хочешь забрать и мою единственную дочь? Единственный оставшийся у меня лучик надежды?

Несколько недель спустя враг, бешено сопротивлявшийся, был наконец разбит. Тела всех павших защитников были возвращены их семьям и похоронены в своих родных селениях с великими почестями. Целая сотня лошадей тянула по мощёным улицам лафеты, везя тела героев на

кладбище и на протяжении всего пути, по обеим сторонам улицы, стояли люди, со скорбью и почётом провожавшие павших в последний путь.

Первыми предавали земле тела двенадцати братьев. Они проявили в бою такую отвагу и доблесть, что их мать переполняли пронзительное горе и огромная гордость разом.

Каждую пятницу она приходила на кладбище и над могилой каждого из сыновей едва слышно шептала заветные слова и клала на каждую плиту по белой розе.

Не прошло и недели как высокая прекрасная женщина с копной густых чёрных волос и сияющими глазами превратилась в сморщённую старушонку. В своём горе она вырвала почти все волосы, а те, что остались, сделались белей снега. Её страдания и непрерывная боль в сердце сгорбли и сморщили её тело, блеск её глаз померк от беспрестанной печали, а гладкая прежде кожа сделалась как пергамент.

Год проходил за годом, но скорбящая мать неизменно, изо дня в день ходила навещать могилы своих детей. Её походка уже давно утратила твёрдость, а сама она так ссохлась, что казалась не больше кулачка. В тот день когда исполнилось ровно три года, на каждой могиле она зажигала свечу и шептала что-то каждому из своих павших детей. Доходя до могилы последнего, Констандина, она зажигала две свечи и, вскрикивая в отчаянье, рвала на себе волосы:

– Сынок, мой сынок! Несчастный мой Констандин, будь проклята твоя настойчивость! Ты выдал мою дочь замуж за далёкого чужестранца, а сам теперь гниешь в земле и твоя беда, твоя клятва вместе с тобой!...

...В ту ночь, в самый её глухой час, когда на небе не сияли ни звёзды ни луна, все кладбище было погружено в глубокий покой. Могилы двенадцати братьев вытянулись в одну линию, а изголовья их надгробий стояли, словно сами братья, плечом к плечу. Первый, второй, третий, десятый, одиннадцатый, но.. что это?! Что происходило с двенадцатым надгробьем? Могильная плита начала медленно сдвигаться, земля поднялась и какая-то призрачная фигура восстала из мрака вечного упокоения, безмолвная, как ночь вокруг...

Это был Констандин!

И вдруг могильная плита обернулась воронным конем, могильный холм сделался седлом, а восставший Констандин тотчас вскочил в него и как громовой вихрь умчался в сторону гор. Конь летел стрелой и не прошло и полуночи, как скакун и седок преодолели расстояние в тридевять гор, равнин и рек. С восходом Констандин был уже у дома Дорунтины, но когда он постучал в дверь, никто на его стук не ответил. Он постучал ещё раз, но ответа не было.

Послышался голос из соседнего дома и сказал:

– Все на свадьбе на другом конце деревни.

Не спеша Констандин направил своего коня туда, и вскоре до его слуха донеслись смех и звуки буйного веселья. Заметив троих девушек, он спросил:

– Красавицы, не видали ли вы Дорунтину, мою сестру?

– Она тут, славный конник ! – отвечали, смеясь и заливаясь краской, девушки, все в нарядах из синего бархата, расшитого золотом.

Не успел Констандин проехать и нескольких шагов, как Дорунтина заметила его и не могла поверить своим глазам. Она вскрикнула от удивления и радости и бросилась обнимать и целовать любимого брата. По её щёкам ручьями лились слёзы.

– Констандин, братец, не могу поверить, что это ты здесь! Я так рада тебя видеть. Век тебе жить и здравствовать! Я давно жду тебя, потому что уже целых три года из дома нет ни весточки. Пойдём, попляшем вместе!

– Нет, сестрица, – ответил Констандин, – сейчас не время. Я приехал, чтобы отвезти тебя к нашей матушке, она желает видеть тебя.

Дорунтина изумилась и, помолчав, наконец насмелилась спросить:

– Ради всего святого, к добру или лиху, ответь мне, любимый братец, ехать мне в самом нарядном или в траурном платье?

– Поезжай прямо так, нет времени на переодевание..

Констандин усадил сестру на круп коня и они понеслись во весь дух. Дорунтина держалась за брата, крепко обхватив его руками и, не зная что сказать, молчала. Её любимый брат и выглядел и говорил иначе чем прежде, и запах от него шёл какой-то другой. Долгое время она мучилась раздумьями и наконец не выдержала и спросила:

– Констандин, брат мой, почему ты так переменялся лицом? Ты был другим в наше последнее свиданье!

– Я простудился, сестрица...

– Почему ты так бледен? – не унималась она

– Долгий путь изнурил меня...

– А почему от тебя идёт запах сырой земли?

– То запах пожарищ войны, Дорунтина...

Весь остаток пути она покорно сидела сзади, радуясь тому, что едет с братом и предвкушая радость встречи с братьями и родимой матушкой; ведь она так долго пробыла в разлуке с ними.

Путь был утомителен и долог и когда они достигли окраины родного села, уже пала тьма. Сердце в груди Дорунтины забилось быстрее, когда показались первые жилища и печные трубы над ними.

Наконец конь встал возле крыльца материнского дома, но, к изумлению Дорунтины, внутри не была ни огонька и ставни были наглухо закрыты.

– Константин, а где же все мои братья? Почему они не выходят встречать меня?

– Может быть и они гуляют на свадьбе где-нибудь по соседству...

– А почему ставни закрыты наглухо?

– Наверное, чтобы летучие мыши не влетели... – сказал Константин со всей серьёзностью.

Он потянулся и погладил сестрицу по волосам. С минуту он смотрел ей в глаза с такой любовью, будто не мог насмотреться перед расставанием навек. Затем, отвернувшись, он натянул поводья и промолвил:

– Ступай в дом к матушке, меня ещё ждут кое-какие дела...

Он ссадил Дорунтину наземь у ворот, а сам поворотил коня и поехал к церкви. Проехав мимо могил своих одиннадцати братьев, он замер, точно статуя там, где должна была быть двенадцатая. И в следующий миг он скрылся в земле, седло коня превратилось в могильный холм, а сам могучий вороной вновь стал могильной плитой. Глубокое безмолвие воцарилось на кладбище. Ни птицы, ни цикады, ни волки в горах не издали до рассвета ни единого звука.

Дорунтина открыла ворота и вошла во двор. Он был пуст и безлюден. Она подошла к дому и стукнула в дверь один раз, затем ещё дважды. Ответа не было. Она принялась стучать сильнее и на этот раз ей удалось расслышать как кто-то тихонько прошелестел за дверью.

– Кто там? – послышался наконец слабый возглас.

– Матушка, отвори дверь! Это я, Дорунтина!

– Что? Я не ослышалась? Это ты, смерть, пришла наконец забрать меня с собой? Я давно готова, только перед этим мне хотелось бы ещё разок взглянуть на свою любимую доченьку, Дорунтину... – дрожащим голосом проговорила из-за двери старуха-мать.

– Но это я и есть, матушка, твоя Дорунтина. Разве ты не узнаешь моего голоса?

– Кто бы ты ни была, я тебя не боюсь! – воскликнула мать и с этим дверь резко отворилась.

Дорунтина нежно обняла свою мать и принялась целовать её. Старая женщина не могла поверить своим глазам и всё терла их, дивясь и недоумевая. Она провела рукой по волосам и лицу нежданной гостьи, чтобы удостовериться в правде её слов.

– Доченька! Как хорошо, что ты здесь! Я так по тебе тосковала! А где же твой муж? С кем ты приехала? – всё ещё недоумевая, допытывалась мать.

– С Константином, матушка! – ответила Дорунтина.

– Я не ослышалась? Ты сказала... с Константином?! Да?!

– Да, достопочтенная матушка, с ним.

– Доченька, не смейся над своей бедной матерью!

– Провалиться мне сквозь землю, если я лгу, матушка! Он привёз меня, а сам куда-то ненадолго отлучился, сказал у него есть какое-то срочное дело! – ответила Дорунтина.

– Тебе всё это пригрезилось, доченька. Не говори такого, моё сердце разрывается, когда я слышу, как ты бредишь!

– Клянусь тебе, родная, он доставил меня к тебе! – в слезах воскликнула Дорунтина, которая никак не ожидала, что её будут стыдить при первой же встрече после долгой разлуки.

– Ты не в своём уме, доченька! Константин... и все остальные твои братья... пали три года назад на поле боя. Я похоронила их всех собственными руками! – прокричала старуха-мать.

Эти слова поразили Дорунтину точно молния. Мать и дочь бросились друг другу в объятия, но, к несчастью, их потрясение оказалось слишком велико и обе они тотчас рухнули замертво...

Клятва Аги Имера

В

оин Ага Имер только что сыграл свадьбу, щедрый пир длился всю ночь, а на следующий день прибыл гонец с посланием от короля, в котором говорилось:

“Враги обрушились на нас всей своей мощью. Немедленно явись ко двору, мне нужны люди и как можно скорее!”

Эта весть опечалила и огорчила Агу Имера, ведь он мечтал быть рядом со своей молодой женой. Он разрывался между своим долгом защитника отечества, которое оказалось в опасности и звало к оружию и своей красавицей женой, с которой он провёл только одну ночь. Но увы, он знал, что долг важнее и что он вернётся ко двору правителя.

На рассвете он оседлал коня, взял оружие, простился с родителями, а затем вошёл в покои новобрачной. Молодая жена сидела у зеркала, расчесывая свои длинные золотисто-каштановые волосы и так сладко напевала одну из песен своего детства. Он тихонько подошёл сзади и обнял её. Она испугалась, увидев его в кольчуге и латах.

– Почему ты так нарядился? – спросила она с тревогой.

– Я пришёл поцеловать тебя, дорогая и... проститься. – ответил он.

– Что ты сказал? Тебе нужно ехать, мой господин? Мы лишь сутки муж и жена и я не пойму, почему тебе надо покидать меня так скоро!
– воскликнула она с дрожью в голосе.

Обхватив её лицо своими могучими руками, отирая ей слёзы, он ответил:

– Я получил послание от короля. Наши враги наступают и мне нужно собрать воинов, чтобы защитить страну.

– Что мне делать без тебя? – заплакала она, – Возьми меня с собой, чтоб нам не пришлось расставаться!

Слёзы так и лились у неё из глаз, она думала, что сердце у ней разобьётся. Но Ага Имер печально опустил голову и сказал:

– Милая жена, я не могу взять тебя с собой, битва будет жестокой и ты можешь погибнуть. Дождись меня и поклянись мне в верности!

– Я люблю тебя больше жизни, Ага Имер! – воскликнула она, – Без тебя мне нет жизни. Я клянусь хранить верность до твоего возвращения. Пусть Господь бережёт тебя, любовь моя, но сколько ты будешь отсутствовать? Неделю, девять дней?...

Ага Имер рассмеялся и ещё раз обнял её.

– Девять дней это не срок, любовь моя, поле боя в нескольких неделях пути отсюда. Война может длиться месяцы, даже годы и, если ты меня по-настоящему любишь, прошу тебя, жди девять

лет и девять дней. Если я не вернусь, знай, что я погиб и ты можешь выходить за другого.

Молодая жена на миг опустила голову, стараясь не показывать свою печаль, затем посмотрела в лицо мужу в последний раз и тихо промолвила:

– Мой дорогой супруг, моё сердце принадлежит тебе и я даю тебе слово ждать тебя девять лет и девять дней и, я знаю, что ты ко мне вернёшься.

Ага Имер поцеловал её в последний раз перед тем, как отправиться в путь, повернулся к двери и вышел.

Его конь уже шёл рысью, когда на весь город разнёсся звук труб королевского двора. Множество мужчин покидали свои дома, отправляясь на войну.

Молодая жена смотрела с балкона вслед конникам и летевшим за ними вихрям пыли, до тех пор, пока они не скрылись из виду, потом закрыла ставни, зашла внутрь и горько заплакала.

... Прошло три месяца. Битва с врагом была жестокой и кровавой.. Войско Аги Имера сильно уступало неприятию числом, иногда на одного албанского воина приходилось до десяти вражеских. Днём и ночью кипела битва и обе стороны теряли бойцов одного за другим. Они отважно бились, но в какой-то миг Агу Имера и его

отряд окружили, а конь под ним пал. Соскочив наземь, Ага Имер размахивал мечом так, что враги только успевали валиться по обе стороны от него.

Но удача отвернулась от него и в разгар битвы его меч разломился надвое. Враги гурьбой навалились на него, обезоружили и связали. Им было строго-настрога наказано доставить его живым к королю, чтобы заточить в глубочайшую темницу.

Высоченные стены тюрьмы были сплошь покрыты толстым слоем зелёной плесени, а каменный пол был твёрд и холоден, как лёд. Свет проникал лишь сквозь крохотное оконце под самым потолком, а в углу приютилась жёсткая лежанка, слишком маленькая для такого богатыря.

Каждый день узник терпеливо ждал вестей от короля, но проходили дни, недели, месяцы и целые годы, но вестей всё и не было. Все, казалось, позабыли о том, что был на свете такой отважный и могучий воин.

Волосы и борода отросли у него до самой земли, так как его никто не стриг и не брил. Он бы тронулся рассудком от горя и безнадежности, если бы не пел всё время песни своей милой родины, известные ему с детства. Надзиратель, который день и ночь стерег пленника, был поражён такой силой духа.

Времена года сменялись, а он всё пел и пел. Зимой, в лютый мороз, это согревало его, а летом спасало от зноя.

– Откуда у тебя такая сила? – не выдержав, спросил однажды стражник из-за двери – Ты томишься в темнице уже ровно девять лет, а всё поёшь себе, да так сладко, что и птицы на воле позавидуют.

Сменщик надзирателя тоже задавал ему этот вопрос, так как сила воли их узника была поистине изумительной:

– Ага Имер, почему ты не впадаешь в уныние в этом ужасном месте? Ты провёл здесь девять лет и не отчаялся.

– Сколько лет? – вскричал Ага Имер от удивления.

– Ровным счётом девять лет и три дня! – был ответ.

На следующий день из его темницы впервые не донеслось ни звука, еда и вино остались нетронутыми и он ни с кем не разговаривал. На следующий день было то же самое.

Весть о сокрушении Аги Имера разнеслась по королевскому дворцу, точно лесной пожар. Король был далеко в военном походе, но его дочери, принцессе, было любопытно узнать, что же произошло. Это было ей важно потому, что окно темницы выходило на цветочные сады дворца и дивный голос узника оказывал волшебное действие на розовые кусты и цветы на них были от этого

всегда пышными и яркими. Сама принцесса и её подруги, все изнеженные и избалованные придворными забавами, частенько стояли рядом с клумбами, слушая песни узника и дивясь тому, как человек, годами томившийся под замком в глухом подземелье, мог находить в себе такую радость.

На третий день с первыми лучами солнца принцесса неожиданно спустилась в подземелье.

– Надзиратель, почему Ага Имер не поёт? – спросила она.

– Ваше высочество, – воскликнул, низко кланяясь при этом, надзиратель – мне это неизвестно. Два дня и две ночи он ничего не говорит и не принимает ни воды ни пищи.

– Я желаю его видеть! – вдруг повелительно сказала принцесса. – Немедленно отвори мне дверь и жди снаружи!

Принцесса смело вошла в тюремный сумрак и увидела Агу Имера, стоявшего в углу с поникшей головой. Он был так глубоко погружён в свои мысли, что даже не взглянул на неё и не опустился на колени в знак уважения. Принцесса подошла к нему и сказала:

– Ты Ага Имер, отважный и могучий воин, дивный голос которого чарует певчих птиц.

Он покачал головой в знак согласия (по албанской традиции в знак согласия качают головой, а в противном случае, кивают) и посмотрел на неё в недоумении, будто удивляясь,

почему принцесса захотела навестить такого недостойного чужеземного пленника.

Королевская дочь продолжала:

– Я так же слышала, что ты перестал есть и принимать пищу и воду вот уже как два дня.

Почему, Ага Имер?

– Я в отчаянии, принцесса, три прошедшие ночи я мечтал о родине, так как сон плохой приснился: мой дом сгорел, мои отец и мать погибли, а моя красавица жена, может быть, уже вышла замуж за другого. Я провёл с ней всего одну ночь после свадьбы, а наутро ушёл на войну. Моя жена поклялась мне, что будет ждать меня девять лет и девять дней и этот срок наступает...

– Девять лет и девять дней это долгий срок. Где же ты нашёл такую женщину, которая согласна так долго ждать мужа, проведя с ним всего одну ночь?

– Моя жена, о принцесса, поклялась мне, а для нашего народа это свято... И для наших женщин и для мужчин, клятва – это священный обет, который нельзя нарушить. Я уверен, что она сдержала безу... Завтра будет ровно девять лет и шесть дней и через три дня она выберёт другого... – вздохнул он.

Принцесса была настолько заворожена услышанным, что продолжала расспрашивать пленника, ведь в её стране данное слово ценилось вовсе не так высоко.

– Твоя жена так хороша, что это приводит тебя в отчаяние, Ага Имер? – спросила принцесса, – Но ведь на свете, да в одной нашей стране, так много красавиц, которые, зная твою отвагу и удаль, не раздумывая, пойдут за тебя.

Ага Имер посмотрел в глаза принцессе и понял, что вопреки своему малому росту, она была так же сильна духом, как и он и твёрдо ответил ей:

– Я знаю, принцесса, что на свете есть множество прекрасных и благородных женщин, но я уже выбрал себе жену и она выбрала меня. Она поклялась ждать, но через три дня она больше не будет моей...

Воцарилась полнейшая тишина и даже в глубоком подземелье было слышно, что и птицы и цветы снаружи ждут её ответа. Принцесса сразу поняла, что пленник человек решительный и верный и ни за что не уронит своё достоинство и принцессе очень хотелось поверить его словам.

– Чем я могу помочь тебе? – вдруг спросила она.

– Попросить бы своего отца отпустить меня на несколько дней, чтобы я мог сообщить своей жене, что я всё ещё жив... – ответил он.

– На сколько дней?

– На девять. Три на дорогу туда, три там и три на обратную дорогу! – сказал пленник.

Это была поистине большая просьба, но у него не было выбора. Принцесса задумалась на мгновение и сказала:

– Ты должен будешь дать мне ровно девять кошельков золота, по одному за каждый день своего отсутствия.

– Принцесса! – воскликнул Ага Имер, – Я провёл в этой темнице девять лет и у меня нет ни гроша.

На мгновение тишина воцарилась вновь.

–Мой отец сейчас на войне, какие ты можешь дать мне гарантии, что вернёшься? – спросила она.

–Свою клятву! – ответил Ага Имер.

–Но клятва всего лишь слово и любой может нарушить его! – сердито выкрикнула принцесса..

Ага Имер поднялся на ноги и покачал головой.

–Нет, принцесса, ты ошибаешься! Клятва это не просто слово, для нас - это священно, это живёт с рождения в наших сердцах и душах. Клятва дороже жизни!

Принцессу поразили его слова, но все равно она не была уверена до конца.

–Что бы сказал мой отец, если бы узнал что тот, кто томился девять лет в заточении, был выпущен на волю под честное слово? Он бы не ожидал увидеть его вновь и перво - наперво сурово наказал бы того, кто отпустил его на свободу.

–Живым или мёртвым, но я буду здесь к сроку!

–Я верю тебе, Ага Имер!Иди, пока я не передумала и возьми самую быструю лошадь.

Он пристально посмотрел на принцессу и выбежал вон, оставив тюремщиков в великом недоумении.

* * *

Ага Имер выбрал сильную гнедую лошадь, которая могла скакать без устали день и ночь, летя, как стрела. Даже с пеной у рта, она всё равно продолжала мчаться. Она будто знала, что седок рискует жизнью.

Три дня и три ночи скакали они и за всё время уделили отдыху лишь несколько часов. На третий день на рассвете они достигли долины, которую Ага Имер тотчас узнал. Сладкий запах ив и вереска наполнил ему грудь. Какое счастье вновь оказаться дома! Скупая слеза скатилась у него по щеке и затерялась в густой чёрной бороде.

По дну долины, до самого моря текла, извиваясь, река. Ага Имер присмотрелся, ища на горизонте, возле самого устья, свой дом, а затем закрыл глаза и во всю грудь вдохнул знакомый с детства солёный морской воздух, слушая крики чаек, круживших над головой.

Спустившись в долину, он подъехал к реке и дал измученной лошади вволю напиться. Когда лошадь опустила к воде свою дивную гриву, Ага Имер сам опустился на колени и окунул голову в ледяную воду. От холода у него перехватило дыхание и он, испытывая величайшее блаженство,

откинулся назад. Его густая грива волос взметнулась, точно гребень бойцовского петуха и он потряс головой, стряхивая с лица и волос капли воды. Гнедая кобылица изумлённо взглянула на него; он обрызгал её с ног до головы.

Внезапно он увидел пожилую женщину, направлявшуюся к нему. Он сразу узнал в ней собственную мать. Его сердце бешено забилося, а затем точно замерло и это удержало его от того, чтобы броситься к матери и обнять её.

–Добрый день, почтенная матушка! – поприветствовал он её, едва сдерживая волнение.

–Добрый день, узник войны! – ответила она.

–Откуда ты знаешь, кто я таков? – осведомился он.

–Ведь ты весь укрыт своими длинными растрепанными волосами, но даже сквозь них ты всё равно мне кого-то очень сильно напоминаешь...– тихо вымолвила она.

Старуха глубоко и грустно вздохнула; она стояла, опираясь на палку, а утреннее солнце освещало её лицо и она неотрывно смотрела на незнакомца перед собой.

–Скажи, молодой человек, а не слышал ли ты чего-нибудь о моём сыне, Аге Имере?

–Слышал, – ответил сын, – я даже видел его три недели назад. Его убили не так давно в сражении. Я сам омыл и оплакал его, он был добрым воином...

Казалось, эти слова поразили старую женщину. Она возвела глаза к небу и из её груди вырвался глубокий стон. При виде такого у Аги Имера всё в душе перевернулось и он едва поборол искушение открыться ей и тем разом избавить её от невыносимой боли и муки.

Но что-то внутри противилось этому и он нашёл в себе силы сдержаться; время ещё не пришло и, переводя разговор на другое, спросил:

– Матушка, что делают здесь эти люди?

– Это гости, приглашённые на свадьбу; сегодня бывшая жена Аги Имера выходит замуж за другого. Она, бедняжка, терпеливо ждала девять лет и девять дней, как он просил. Но именно в этот день моё сердце разбилось, когда я узнала, что мой сын мертв...

Не желая терять драгоценного времени, Ага Имер попрощался с матерью и отправился на свадьбу.

– Добрый день, достопочтенные гости! – поприветствовал он всех собравшихся.

– Добрый день, узник! – ответили они разом, а один важно спросил:

– Вы что-нибудь слышали об Аге Имере?

– Да, – ответил он, – Я видел его живым три недели назад, а потом он погиб в бою. Я сам его омыл и оплакал, он был хорошим воином...

Гости, приглашённые на свадьбу заулыбались, но невеста, проходившая мимо, споткнулась и поникла головой. Никому не видимая под кружевной

вуалью, горячая слеза скатилась по её щёке и упала наземь. Ага Имер молча наблюдал за ней и вдруг вскрикнул:

– Послушайте, гости! Прежде чем Ага Имер испустил дух, он попросил меня поговорить с его женой перед свадьбой. Вы позволите мне?

– Конечно! – ответили все дружно.

Приблизившись к невесте, он почувствовал, что ей было неловко в его присутствии и она поспешно отошла в сторону.

– Почему ты в таком унынии перед самой свадьбой? – осведомился Ага Имер.

– Я потеряла своего первого мужа, узник войны и сейчас должна снова идти замуж! – ответила она со слезами на глазах.

– Ты любила Агу Имера?

– О, да, узник, всем сердцем! И я, дав клятву, целых девять лет и девять дней верно ждала его возвращения, ведь мы провели вместе всего одну ночь.

– А ты бы его узнала через эти девять лет?

– Конечно, узнала бы! У него было родимое пятно на правом предплечье и ещё одно другое в подмышке.

Ага Имер закатал рукава рубахи и показал ей родимые пятна, которые находились как раз в тех местах. И мгновенно её лицо вспыхнуло радостью и она в порыве счастья крепко обняла его. Они, к великому удивлению гостей, точно слились в одно.

В следующий миг она сбросила вуаль и заговорила, обращаясь к изумлённым гостям, тесно обступившим её:

–Нежданно-негадано мой первый пропавший муж вернулся ко мне и теперь мы вместе навек. Я обещала ждать его девять лет и девять дней и ждала бы до полуночи. Но случилось чудо, он вернулся за полдня до срока и теперь мы, как прежде, муж и жена!

Она повернулась и в лучах утреннего солнца с Агой Имером пошли к своему дому у моря.

* * *

В далёкой стране, в трёх днях езды от родного селения Аги Имера, король как раз вернулся из похода и в ярости обрушился на свою дочь. Властелин не мог перенести того, что такой пленник был выпущен на волю в его отсутствие и гневу его не было конца.. Ему ничего не оставалось, кроме как бросить в темницу собственную дочь, принцессу, вместо освобождённого ею Аги Имера и приговорить её к смертной казни за подобное безрассудство и своеволие.

– Умоляю, отец, – плакала она, – дождись ночи, прежде чем бросать меня в подземелье!. Прости, что я ослушалась тебя, но Ага Имер поклялся, что вернётся ровно через девять дней. Сегодня как раз последние сутки! – вся в слёзах молила она, протягивая руки к отцу.

– Дитя! Твоя красота не уступает твоему легкомыслию! Я не знаю, что с тобой делать! – вскричал правитель в отчаянье и в гневе. – Птица, вылетевшая из клетки, не вернётся назад, уж поверь мне.

Он отвернулся от неё и пошёл прочь в печали; его величественные одежды из красного бархата колыхалось на ходу словно морские волны, набегавшие на берег. Стражник затворил за ним дверь тюрьмы.

В сумрачном коридоре подземелья принцесса расслышала как отец, выходя, велел палачу точить топор и приготовиться к казни на рассвете. Она рухнула на колени прямо на холодный каменный пол и безудержно зарыдала.

* * *

Когда погас последний луч солнца, целая толпа людей собралась у стен тюрьмы. Они пели и веселились. Не каждый день король, которого все боялись и уважали, попадал в такой переплет...

Принцессу привезли к эшафоту в телеге, запряженной волами, её бледное лицо было укрыто широким капюшоном с вуалью из муслина, расшитого золотом. Оставаясь сама невидимой, она могла видеть всё из-за своей полупрозрачной завесы. Руки её были накрепко связаны кожаным ремешком так, что она не могла ими пошевелить. На ней было простое платье из белого шёлка и кожаные башмаки с золочеными шнурками.

Придворные рыдали в голос, а её фрейлина сама правила повозкой, оберегая приговоренную госпожу от лишней тряски.

Наконец принцесса, едва чуя под собой ноги, сошла с возка и под дикие крики толпы, ведомая под локти стражей, стала подниматься на помост по деревянным ступеням. Вдруг она споткнулась, вся бледная от страха, но палач тотчас грубо подхватил ее своими ручищами.

– Не беспокойтесь, моя дорогая, я рядом! – глумясь, выкрикнул он.

Принцесса опустила на колени, всё её тело тряслось от ужаса; она и помыслить не могла, что лишится жизни из-за своего поступка и не ожидала, что уязвлённое самолюбие отца окажется сильнее его любви к родной дочери.

Толпа людей молчала, когда она положила на плаху свою ладную головку с белой лилейной шеей. Все придворные стояли не шелохнувшись, когда палач заносил смертельное лезвие над головой принцессы.

Вдруг, в этот самый миг по толпе прошёл гул.

– Стойте, стойте! – закричал стражник, – Он вернулся!

Все в толпе обернулись и увидели человека, который во весь опор скакал к эшафоту на гнедой кобылице.

Соскочив с лошади он подбежал к королю, крича на ходу:

– Властелин, помилуй свою дочь принцессу, я сдержал клятву и вернулся. Скорее отворайте темницу. Я был твоим пленником, о правитель и готов снова быть им!

Король и все остальные остолбенели в изумлении: никто из них ни за что бы в такое не поверил, если бы не видел собственными глазами. Из глаз принцессы под вуалью хлынули слёзы облегчения и радости и если бы не была связана, она кинулась бы на шею Аге Имеру с объятиями, благодаря его за такую верность и самоотверженность..

Ага Имер и король стояли друг против другу, глядя глаза в глаза, словно два огромных дуба, такие же большие и могучие. Сначала в глазах короля было одно лишь изумление, но постепенно оно переросло в понимание и одобрение. В уголках его рта появилась улыбка и он торжественно возгласил на всю площадь:

– Иметь такого врага, как ты, Ага Имер эта настоящая удача. Ты свободен!

Толпа взорвалась криками ликования.

Гьерг Элез Али

В

углу комнаты в некоем доме стояла деревянная кровать. Сквозь кружевную занавеску тоненький

лучик солнца проникал внутрь и падал на тело человека, лежавшего на кровати; казалось он едва жив. С первого взгляда было неясно кто это: живой человек, призрак или уже бездыханная плоть, так неподвижно он лежал. Если бы вы рассмотрели его лицо, сердце у вас бы разбилось от печали, ибо это был не кто иной как Гьерг Элез Али. Во всей земле не было молодца, который мог сравниться с ним, нужно ли было послужить родной стране или сразиться с врагом, дерзнувшем бросить ему вызов. О его удали и отваге ходили легенды, которым не уступали рассказы о его доброте и благородстве. И вот, при всём этом, уже девять лет томился он, прикованный к постели, между жизнью и смертью, с девятью глубокими ранами в теле и все никак не мог ни умереть ни выздороветь.

Родители его давно умерли, а его бывшие соратники кто погибли в боях, кто позабыли его. И только сестра оставалась с ним и заботилась о своём брате день и ночь. Она была так ему предана, что не могла ни на миг оставить его.

Она омывала его раны родниковой водой, а раны были такими страшными, что всякий раз видя их, она плакала, орошая их своими горячими слезами, а затем отирала их своими длинными шёлковистыми волосами. Она перевязывала их мягкой головной косынкой, оставшейся от матушки и бинтами, сделанными из самой тонкой белой материи. Делая так, она всякий раз нежно обнимала брата и шептала ему слова утешения и

ободрения, пока сама не падала в изнеможении и засыпала, уронив голову на подушку, рядом с ним.

Сестра была его единственной надежной опорой; без неё он бы долго не протянул. Все девять ран нестерпимо болели, но Гьерг не издавал ни стога, потому что очень любил сестру и ему было невыносимо видеть, как она страдает из-за него. И у него была ещё одна рана в душе и она-то доставляла самые большие мучения: продолжая, благодаря заботам сестры удерживаться на этом свете, он знал, что стены родительского дома сделались для неё настоящей тюрьмой.

С приходом весны птичьи песни звали её выйти на волю, пройтись по зелёным лугам и насладиться величием природы, ибо красота и скромность девушки были ей под стать. И многие приезжали к ней свататься, но все получали отказ.

Девять долгих лет пролежал Гьерг Элез Али в своём доме и вот, однажды, до его селения дошла весть о том, что из морской пучины вышел Чёрный Балоз.

Он был трехметрового роста и был тяжелее слона, а его поступь заставляла землю содрогаться и все, кто оказывались поблизости, в ужасе уносили ноги, спасая свою жизнь. Кожа у него была гладкой, как у дельфина и выглядел он точно так, как описывали его легенды и народные предания: точь-в-точь великан, вышедший из бездны моря, чтобы нести людям несчастье. Лицо его было всё

сморщено, точно высохшая слива и сплошь обросло ракушками и водорослями.

Чудище было таким жестоким, что люди жили в постоянном страхе, зная, что если не будут повиноваться этой твари, она просто растопчет и разорвёт их на мелкие кусочки. Всякий день, что чудовище проводило на суше, был тяжким испытанием для жителей окрестных сёл: они были обязаны платить ему дань, состоявшую из жаренного целиком барашка и юной девушки в придачу. Если дань не поступала вовремя, Чёрный Балоз начинал лютовать, убивая всех на своём пути. И многие смельчаки, восстававшие против него, погибли в неравной схватке, потому что у чудовища были такие силы и оружие, о которых люди и мечтать не могли.

И никто не мог пожаловаться Гьергу Элезу Али на свои беды, потому что уже девять долгих лет его жизнь висела на волоске и никто не смел и надеяться на его помощь.

Как бы он поднялся со своего одра и пришёл на подмогу несчастным? Его сестре всё это было очень хорошо известно, но она тоже молчала до поры до времени, пока не настал день, когда и Гьергу Элезу Али подошёл черёд посылать Баложу жаренного барашка и юную деву.

В то утро, пока он спал, даже во сне терзаемый болью от ран и душевной мукой, сестра склонила голову на подушку возле его уха и

зашептала свою мольбу, больше походившую на плач:

– Как случилось, что смерть забыла про нас, любимый братец? Наши матушка и батюшка давно в сырой земле под высокой липой. Дом наш стал ветхим и того и гляди обвалится, без хозяйской мужской руки, которая бы блюла его как следует. Ты же всё лежишь тут и гниешь заживо, а ведь завтра на рассвете твоя сестрица окажется в лапах чудовища Балоза... Жалкая жизнь во сто крат хуже смерти! – вскричала бедная девушка.

Он проснулся от её слёз на своей щеке. Сначала ему подумалось, что это дождь, сочащийся сквозь крышу и он проклял свой ветшающий дом.

– Чтоб ты почернело, моё несчастное жилище! Чтоб ты сверху донизу поросло мхом и сделалось пристанищем змей! Как смеешь ты допускать, чтобы дождь мочил меня?! – воскликнул он в отчаянье.

Сестра отерла свои слёзы со щеки брата и всхлипнула:

– Это не дождь, любимый братец, в кровле нигде нет течи.

И хотя она изо всех сил старалась скрыть своё горе, Гьерг Элез Али обнял сестру своей немощной рукой и пристально посмотрел ей в глаза. Никогда прежде он не видывал, чтобы она плакала в его присутствии.

– Почему ты плачешь, милая сестрица? У меня сердце разрывается при виде твоих слёз.

Целых девять лет я провёл точно буковый листок на диком ветру, который то уносил меня в сторону смерти, то швырял обратно от самого её порога. Умоляю, сестра, скажи мне что я такого сделал, что обидел тебя? Может быть ты утомилась в ожидании, пока твой брат отмучается, а он всё тянет и тянет. Может быть ты мечтаешь выйти замуж, имея множество женихов? Молю, сестрица, скажи мне, что так тебя гнетёт? – промолвил он с нежностью.

– Нет, братец, не смей так говорить! Ты никогда не был жесток ко мне, а мне ухаживать за тобой никогда не в тягость. Ты мой любимый брат и пока ты жив, в моём сердце теплится надежда! – проговорила она в ответ, изо всех сил стараясь при этом улыбаться.

– Я плачу, Гьерг, потому что Балоз ждёт от нас к утру жареного барашка и... меня, бедную-несчастную! Уже две недели он наводит ужас на жителей окрестных сёл. Я хотела утаить от тебя эту весть, потому что не могла приложить ума, кто же будет заботиться о тебе, когда меня не станет... – вскричала она в отчаянье и горе.

Лучи утреннего солнца, проникавшие сквозь окно, тихонько бродили по полутёмной комнате, пока она описывала то, что приключилось. Когда же она закончила свой рассказ, день уже был в разгаре, а Гьерг Элез Али всё это время внимательно слушал, не говоря ни слова.

И в какой-то миг он разом забыл про все свои девять ран и про девять долгих лет, что он беспомощно пролежал, прикованный к постели. Он выпрямился, точно стальной прут, вскочил на ноги и встал на холодном каменном полу, будто высокий и могучий дуб, уходящий корнями в землю.

– Выведи, милая сестра, мою соловую кобылицу и отведи её к лучшему в городе кузнецу, передай ему от меня привет и попроси её подковать, ибо я отправляюсь на битву с Чёрным Балозом и прикончу его! – воскликнул он.

В великом изумлении сестра оделась, вывела лошадь из стойла и во весь опор помчалась на ней в город, к кузнецу.

Завидев прекрасную гостью, кузнец тотчас отложил свои инструменты и вышел ей навстречу:

– Чем я обязан, красавица, чести твоего посещения?

– Я прошу тебя подковать эту лошадь лучшими медными гвоздями. Это кобылица Гьерга Элеза Али. Он шлёт тебе горячий привет вместе с вестью о том, что едет утром на смертный бой с Балозом, чтобы прикончить его. – ответила девушка.

Кузнец рассмеялся ей в лицо:

– О да, девица-краса, много я слыхивал про это имя! Но ведь уже столько лет он лежит ни жив ни мёртв. Какой во всем этом прок? Давай - καλύτε я подкую тебе лошадь лучшими гвоздями в обмен на один твой поцелуй...

– Проглоти свой поганый язык, глупый коваль! Брат сказал мне, что ты лучший из кузнецов, но я вижу, что ты просто негодяй и плут! – ответила она ему на это с презрением.

Она вышла вон и отправилась к другому кузнецу, который был уже стар и всеми уважаем. Она бывала у него в гостях вместе с братом раза два или три, ещё совсем маленькой девочкой.

Ростом он был под два метра, грудь его была точно пивная бочка, а руки – как два небольших крепких древесных ствола. Каждый день он ещё затемно принимался за работу, раздувая огонь в своём горне. Он мог выковать любую подкову на самый взыскательный вкус и, когда его молот обрушивался на раскалённый металл, огнённые искры летели во все стороны настоящим фейерверком.

Какое-то время она стояла в дверях, ожидая, пока он закончит очередной заказ и дивясь его мастерству. И вот он опустил рдеющую подкову в ушат с холодной водой, подождал, когда рассеется громадное облако пара, поднявшееся от этого и оборотился к гостю.

– Юная госпожа Али! – воскликнул он, когда узнал от неё кто она такая. Вытерев насухо свою ладони, он подошёл и пожал руку юной гостю.

– Гьерг Элез Али шлёт тебе привет и просит подковать его кобылицу лучшими медными гвоздями. Завтра он отправляется на поединок с

Балозом, чтобы навсегда покончить с этим чудовищем и навек избавить от него нас всех...

Кузнец не рассмеялся над этими словами и не стал просить ничего взамен от прелестных уст, вымолвивших их. Лицо его озарилось доброй улыбкой и он тотчас принялся за дело.

– Как я рад слышать, что Гьерг поправился. Я так подкую его кобылицу, что она будет нестись быстрее ветра. Передай своему брату моё почтение. Да пребудет с ним удача! Для меня великая честь помогать такому человеку! – говорил кузнец, не отрываясь от работы.

Вернувшись от кузнеца, сестра нашла своего брата уже стоящим у ворот в полном боевом снаряжении. Он обнял сестру и велел, чтобы она передала Балозу такие слова:

“Мое стадо овец и баранов пасётся и тучнеет не для тебя, злобный Балоз, а моя милая сестрица никогда не будет твоей. Не будь у меня её, некому было бы заботиться о моих ранах... Завтра я буду биться с тобой, чтобы прикончить тебя и только если я паду в бою, только тогда тебе достанется то, что по праву принадлежит мне”.

В ту ночь брат и сестра проговорили, не сомкнув глаз, до самого рассвета. Ни он ни она не чувствовали ни усталости ни страха; они были счастливы, особенно сестра, потому что впервые за девять лет не она заботилась о своем брате, но он о ней. Он принёс воды из колодца, напоил и

накормил всю скотину, а сестра приготовила на огне знатный ужин.

Первые рассветные лучи, упав на землю, казалось, уже обагрили поле будущей битвы. Гьерг Элез Али выехал навстречу врагу, едва угасло пламя зари, а Балоз, свирепея от злости, уже поджидал его там.

– Что это за храбрец, который осмелился бросить вызов мне, Балозу? – прогремел великан.

– Это я, Гьерг Элез Али и я прикончу тебя, как дикого зверя - зверь ты и есть! – крикнул конник ему в ответ.

– Не трать зря свою жалкую силенку, Гьерг Элез Али, ведь я вижу, что ты весь в ранах. Не великодушно было бы с моей стороны пришибать такого слабака. Возвращайся-ка ты домой, а мне отдай барашка и свою прелестную сестрицу и чтобы я больше о тебе не слышал!

– Не дождёшься, злобный Балож! Пусть я стою одной ногой в могиле, смерть ещё меня не одолела и не одолеет, пока не окончена моя последняя битва. Сначала я сокрушу тебя и снесу с плеч твою мерзкую голову!

И с этими словами соловая кобылица взвилась на дыбы и во весь дух бесстрашно помчалась на Балоза. Слова Гьерга поразили великана и в ярости он со всей мочи швырнул свою палицу во всадника и его лихого скакуна, но кобылица, которая неслась быстрее молнии,

мгновенно согнула передние ноги и огромная булава просвистела по воздуху прямо над ними.

Она ударила оземь с такой силой, что ушла вглубь на двенадцать сажень, подняв целый столб пыли и комьев спекшейся от зноя почвы.

На всем скаку, истомившись без движения и ратного дела за целых девять лет, в великой ярости Гьерг метнул собственную булаву в голову Балоза с силой, которой хватило бы на десятерых могучих бранников и с отчаянным криком, вырвавшимся из груди:

– Сгинь ты, злобный Балоз! Так велю я, Гьерг Элез Али!

Быстрее ветра и неотразимей пушечного ядра, вращаясь со свистом, пролетела по воздуху богатырская палица и угодила Балозу прямо в центр лба. И хотя на голове чудища был стальной шлем, он не смог выдержать такого удара, и треснул, точно большой орех, сорвавшийся наземь с верхушки дерева.

Голова великана тоже раскололась надвое, будто не могла выдержать натиска ярости и праведного гнева Гьерга. Всё, казалось, замерло в то мгновенье: великан стоял, точно вкопанный, не веря в то, что произошло и ужасаясь. Затем, жутко медленно, он начал заваливаться назад и со страшным громом, словно то было землетрясение, могучее тело великана рухнуло наземь, отчего ссохшаяся земля во всей долине пошла ходуном.

Прошло несколько минут, прежде чем осела пыль. Тогда Гьерг спешился и в безмолвии подошёл к тому месту, где пал замертво поверженный великан. Рассечённая голова Балоза была свернута на сторону, а его отлетевший шлем валялся поодаль. Его глаза, неподвижно замершие, всё равно взирали на Гьерга с выражением неверия и дива. Гьерг выхватил меч из ножен и одним махом отсек чудищу голову.

Он привязал мёртвое тело великана к хвосту своей кобылицы, волоком свёз до реки и сбросил в бурный поток.

Тотчас же воды почернели и раздавшееся зловоние заставило и всадника и лошадь поворотить прочь. А река унесла мерзкий остов далеко-далеко назад в море, откуда чудище когда-то и появилось...

Приторочив отрубленную голову с её густой чёрной гривой к седлу, Гьерг спустился с холма в селение, где весь народ приветствовал его как победителя радостными криками.

– Послушайте, люди добрые, мою последнюю волю. Моя сестра заботилась обо мне в течение всех этих последних девяти лет и тем спасала меня от смерти, которая меня уже жаждалась. У этой безропотной терпеливицы ещё вся жизнь впереди и я прошу вас как следует позаботиться о ней и сделать так, чтобы она жила в радости и счастье и не знала ни нужды ни горя. Моя милая сестрица заслужила себе такое право. Я

завещаю ей всё, чем владею и пусть заживёт она вольготно и весело с добрым мужем, который будет достоин её доброты и верности! – провозгласил он во всеуслышанье.

Затем он тихонько опустился на булыжную мостовую, обнял сестру, прикрыл глаза и безмолвно, мирно усоп. Односельчане похоронили его как героя, с величайшими почестями, под той самой высокой липой, где он любил сживать, чтобы сила его нестигаемого духа продолжала жить в этом прекрасном дереве. И нередко, ночной порой, сестра отворяла ставни на своём окне, чтобы полюбоваться на липу, освещённую луной и послушать птиц, который пели так, что без труда можно было разобрать слова:

Путник, путник, странник милый,
Задержись пред сей могилой,
Помолчи, не плачь, не вой,
Здесь покоится герой,
Сенью липы вековой
И плащом родной земли
Тут укрыт Гьерг Элез Али.

СИЛА МУЯ

Д

авным-давно, в одной горной местности в Северной Албании, в Ютбине, жил да был один человек, у которого были два сына и дочь. Старшего сына звали Муй, младшего Халил, а дочь - Куня.

Сыновья были похожи на отца. Муй, старший, унаследовал его рост и силу, невозмутимость, ум и смекалку; Халил же, хоть и был не так могуч, с ранних лет отличался мудростью и за что ни брался, всё делал так, будто уже имел в этом опыт.

Целыми днями отец пахал землю, но зимой они всё равно еле-еле сводили концы с концами. В четырнадцать лет Муй был ростом как взрослый мужчина и отец, отчаявшись, отправил его работать пастухом к одному зажиточному хозяину.

Тот возложил на него заботу о своём отборном стаде, которое надо было всё время выгонять на пастбище, где росла пышная трава, такая высокая и сочная, что аромат её разносился на всю округу, а прохладный ветерок, гулявший в ней, сам отгонял мух.

Муй не жалел сил ради отца и без труда поднимался до рассвета, когда в небе ещё сияли звёзды, а луг в росе ожидал прихода стада. Всякий раз он брал с собой посох, котомку с хлебом, сыр и воду, однострунную лютню и пастушью свирель.

Лучшие луга с самой сочной травой были так далеко от селения, что он мог делать там всё, что пожелает и никто из людей не мог помешать ему в этом. Ему никогда не бывало одиноко; он лазил по деревьям, играл на лютне и свирели, запивал хлеб с сыром студеной ключевой водой и валялся на ковре зелёной травы, благодаря Бога за такое приволье..Возвращался он когда было уже совсем темно и богач-хозяин был так им доволен, что нарадоваться не мог.

Но другие пастухи негодовали, потому что они завидовали Мую, заслужившему такое расположение господина. Они всегда смеялись ему вслед, когда он проходил мимо; все они были старше и опытнее его, но они лодырничали и обманывали хозяина на каждом шагу. Мую хватало ума не обращать внимания на их выходки, но в глубине души он сердился, чувствуя, как уязвлена его гордость.

Дни были похожи один на другой, как две капли воды: Муй вставал до света, возвращался затемно, ужинал и шёл спать.

Однажды, он так увлекся своими занятиями, что весь скот разбрёлся и пропал из виду. Он висел на ветви дуба вниз головой и играл на свирели, когда вдруг понял, что не больше слышит колокольчиков стада.

Он упал с дерева, сильно ушибся, встал на ноги и много часов подряд бегал повсюду в поисках стада. Вся местность была давным - давно ему известна, но коров нигде не было, они будто сквозь землю провалились..

Солнце медленно закатилось за гору и в долине, на горизонте переходившей в море, сразу потемнело. В своей тревоге он не мог ума приложить, куда же могли подеваться коровы; ведь не могли же их украсть прямо у него из-под носа. Как он вернётся к хозяину без стада?

Он добегался до того, что больше не мог ступить и шагу, а в сердце засела тоска и кручина. В конце концов он опустился на большой камень, закрыл глаза и уснул, моля Бога, чтобы к утру скот вернулся.

Он спал несколько часов и проснулся от младенческого плача. Некоторое время ему казалось, что видит сон, но протерев как следует глаза, он разглядел очертания двух колыбелей. К его удивлению, в них лежали два плачущих младенца, которых, похоже, бросили.

Не раздумывая о том, как эти колыбели тут очутились, Муй подошёл и встал возле них. Он испытывал такую жалость к беднягам, что забыл о своём несчастье и стал бережно баюкать малюток и петь им нежные песенки, чтобы те уснули. Когда малыши, наконец, уgomонились, Муй возвратился на свой валун и тоже уснул вновь..

Он проснулся после полуночи от странного шума. Встряхнувшись, чтобы прийти в себя, он увидел два ярко - красных огонька, светивших с вершины холма. Рядом с огоньками появились силуэты двух прекрасных девушек, которые шли навстречу.

– Да благословит вас Бог, горные феи, – крикнул Муй, – и приумножится ваше число!

Он и раньше, конечно, слышал о феях, но собственными глазами видел их впервые. Всем было известно, что встреча с ними была добрым знаком.

– Кто ты? Что ты тут делаешь? Известно ли тебе, что это наш источник? – вскричали они разом, напуганные присутствием постороннего.

– Я Муй, Гьето Башо Муй! – гордо ответил он, зная, что не стронется с места, что бы ни случилось,

– Я пастух и весь день пасу в здешних горах стадо моего хозяина. Но коровы куда-то подевались, я всю округу исходил, но так и не нашёл своих буренок. Когда стемнело, я остановился передохнуть и уснул, но мой сон

прервал плач двух младенцев. Вот как я здесь оказался.

Феи, с виду походившие на ангелов, переглянулись, а затем посмотрели на Мую. Обе были стройными, высокими и светловолосыми, будто освещённые райским светом и так походили одна на другую, что Муй подумал, не близнецы ли они.

– Вы горные феи? – спросил Муй через некоторое время, не в силах удержаться.

– Да, Муй и мы знаем, что ты хороший человек; ведь ты думаешь в первую очередь о других, а уж потом о себе. Мы одарим тебя всё, чем ты пожелаешь! – твёрдо сказали феи в ответ.

Муй на мгновение задумался. Его первым желанием было, конечно, вернуть стадо, но ведь феи обещали всё, что угодно: богатство, силу, славу, всё!

– Сперва мне необходимо вернуть стадо хозяина... – сказал он.

– Запросто! – с улыбкой отвечали феи.

– Я бы не стал просить вас об этом, но в нашем селении есть несколько пастухов, которые не скрывают своей зависти ко мне и мне тяжело и больно находиться рядом с ними. Вы могли бы сделать так, чтоб я стал силачом и смог бы проучить их? – спросил Муй так, будто вопрос сам сорвался с губ.

– Ты этого хочешь, Муй?

– Да, пожалуй! – ответил он.

– Будь по твоему, я дам тебе молока из своей груди и ты станешь неимоверно сильным. – сказала первая фея, не скрывая радости.

Хватило всего трёх капель. Мгновенно Муй почувствовал в себе такую силу, что обхватил большой дуб и тотчас повалил его наземь.

– Нет, этого мало, – сказала вторая фея, – Видишь вон тот валун? Подними его как можно выше над головой, тогда посмотрим.

Муй посмотрел на огромную каменную россыпь размером с два стада. Он почесал затылок, но не желая выглядеть слабым, подошёл к ней, опустил на колени и обхватил самую большую глыбину двумя руками. Он изо всех сил пытался оторвать её от земли, но глыба и не думала поддаваться.

– Вы что-то сделали не так? – спросил он, улыбаясь.

– Тебе нужны ещё три капли! – сказала, подходя к нему, вторая фея.

Сделав ещё три глотка, он обхватил глыбу двумя руками. Казалось, что всё его тело гудело и дрожало от волшебной силы, поселившейся в нём. Глыба взлетела вверх, точно малыш-племянник, которого он так любил катать на своих широких плечах.

– Скажите, феи, куда бросить камень, на поле Ютбины или в долину Жёлтый Жёлоб, там внизу? – вскрикнул он

Феи были довольны, но боялись, что ещё три капли молока будут уже лишку. В ту ночь они разговаривали и смеялись до рассвета. Никогда ещё трое незнакомцев не сдруживались так за такое короткое время. Безмолвная луна, ушедшая было за облака, выглянула вновь, желая послушать их разговоры и послать им свой свет, чтобы они могли видеть лица друг друга и распознавать по ним глубины сердца.

– Мы полюбили тебя, Муй, – сказала вторая фея, смахивая с белоснежной щёки слезинку, – и наше сокровенное желание это чтобы ты стал нашим лучшим другом, на которого мы могли бы положиться. И если ты окажешься в опасности, мы придём тебе на помощь, а когда помощь или совет будет нужны нам, ты не откажешь нам в них.

– Я счастлив, что могу быть вам другом и помощником! – ответил Муй с улыбкой и потом расцеловал фей в румяные щёки.

После этого феи сразу же подхватили свои колыбельки и бесследно пропали в утренней мгле, скрывавшей пастбище, а Муй остался, гадая было ли всё это наяву или только ему приснилось.

Поблизости лежал тот самый валун. Муй опустился на колени рядом с ним, крепко-крепко обхватил его, выпрямил ноги и как по волшебству, с лёгкостью поднял его до уровня груди, а затем бросил его на землю, себе под ноги и чуть не отбил себе одну из них. Он улыбнулся от удовольствия и

отправился было на поиски стада, но оно само вдруг возникло перед ним невесть ниоткуда.

Ликуя, вернулся он в Ютбину, но от пережитого в горах не потерял ни капли своей скромности. А случай со стадом научил его быть всегда бдительным. Остальные пастухи уже собирались уходить, когда появился Муй.

– Ты всё ещё жив, жалкий молокосос? – с издевкой спросил самый старший, – А мы думали, что ты давно издох и тебя съели волки. Беда-то какая! – глумился и хохотал он.

Затем самый сильный из пастухов схватил Муя за горло и что было сил швырнул на стену. Муй так рассверипел, что схватил руку обидчика и поднял вверх.

– Хороший захват, малыш! Клянусь, ты и побить меня горазд! – прошипел он, так как захват начал причинять ему боль.

– Ты прав, вы слишком долго меня дразнили! – закричал Муй и с этими словами поднял негодяя за шиворот и швырнул в кусты, как будто тот был каким-нибудь жалкой тряпичной куклой.

Он ждал, что остальные пастухи набросятся на него, но все они тотчас струсили и побежали прочь. Муй медленно подошёл к трясущейся груде плоти, которая только что была пастухом - задирой, посмотрел на неё сверху и, не говоря ни слова, отвернулся и пошёл прочь.

В таком маленьком и уединённом месте, как Ютбина, новости разносятся очень быстро и хозяин Муя не только успокоился, увидев своё стадо целым и невредимым, но и порадовался, что парень проучил остальных пастухов, от которых давно не было никакого проку.

Остался бы Муй и дальше приглядывать за скотом хозяина? Вряд ли. Работа, конечно, есть работа, но Муй знал, что у него совсем другая судьба. Он вернулся к семье и стал охотником; целыми днями пропадал он в горах, добывая пищу для жителей деревни.

Эти занятия были ему настоящей отрадой, ведь ни один обычный человек не осмелился бы отправиться на охоту в одиночку в такие дикие и неприветливые леса. Сам волки уважали его и сторонились, когда улавливали его запах по ветру.

Жил ли Муй долго и счастливо? Давайте подождём и узнаём об этом из других историй о нём и его друзьях.

Муи и три злые феи

Д

ни летели, сменяя друг друга с такой быстротой, что, казалось, год проходил за месяц, а месяц – за неделю. Муи рос не по дням, а по часам и вместе с

ним росла, распространяясь из края в край, его слава, потому что он был храбр, честен и добр.

Обычные охотники применяли лук и стрелы, чтобы убивать волков, но Муй душил их голыми руками. Если он убивал на охоте медведя, то приносил его тушу домой на плечах и все дикие звери в лесах поистине страшились его и, едва почуяв издали его запах, разбегались и мчались прочь со всех ног.

Пастбища и дубравы в том краю были такими прекрасными, пышными и густыми, что вскоре привлекли к себе внимание жителей соседней горной страны, которая звалась Кралией и всегда была заклятым врагом нашей родной земли. Они только и думали как бы присвоить себе эту область, а её жителей пленить и превратить в рабов.

В то время Гьето Башо Мую едва успело исполниться двадцать, но именно к нему обратился за помощью несчастный и напуганный народ Ютбины.

Муй собрал дружину из шестидесяти самых смелых и сильных воинов и повёл их в горы. Следом за Муем шёл старый Диздар, за ним Буд Али Тали, Зук, Ага Хаспар, Гулик и множество других храбрецов. Среди них был и верный брат Муя., Халил, которому было всего семнадцать, но он все равно ни в какую не захотел оставаться дома. И хотя сложением он был не такой богатырь, в его груди билось сердце льва и он был проворен и

быстр, точно хорь и всюду следовал по пятам за братом.

Многие месяцы враги пытались разбить эту дружную Чёту (так называлась дружина на местном наречии), но все тщетно. Любое их посягательство на священную землю Юбинты тотчас пресекалось её отважными защитниками по предводительством Муя: они охраняли границу, точно зоркие орлы с мощными когтями и крыльями. И вскоре в земле воцарился мир, а кральцы отступили, перевалив за свои горы и стали готовить новое нападение; ибо они были коварны и ненасытны, как гиены.

Прошло два года, а со стороны Кралии все было по-прежнему тихо. Муй как и раньше был предан своей дружине, но ему всё больше не терпелось взять себе в жёны прекрасную девушку по имени Айкуна. Он была ликом как румяная заря, а труженица – прилежней не сыскать; такая и была нужна Мую, но, к несчастью, она жила слишком далеко от Ютбины.

Однако, это вовсе не казалось им помехой и Муй собрал триста ютбинцев и снарядил их в путешествие через горы в родное селение Айкуны, на свадебный пир.

Молодцы - дружинники все надели свои парадные наряды, у каждого на спине были позолоченные щит и меч, а у тех, кто ехали верхом, золотом были украшены и седла с уздечками. Перед самым их отъездом из Ютбины Муй созвал их на площади и сказал:

– Друзья мои и верные соратники! Смотрите, когда подниметесь на гору, будьте внимательны: там на вершине есть тенистая рощица и в ней с камня на камень скачет горный ключ. Ни в коем случае не останавливайтесь в том месте и не вздумайте освежаться водой из того ключа, какой бы манящей она вам ни казалась. И место и ключ находятся во владении трёх злых фей и это может прогневать их!

Все были озадачены и, хотя не могли дожждаться дня, чтобы отправиться в дорогу, они поклялись, все вместе и каждый по отдельности, что не станут останавливаться на привал в той тенистой рощице. Произнеся обещание, они сели на своих коней и, весело распевая, тронулись в путь. Муй и его брат Халил остались дома ибо так велел обычай.

Некоторое время спустя свадебный поезд достиг вершины горы. Конечно, в такой славный день солнце не скупилось на жар и сияние и все путники испытывали сильную жажду. Однако они помнили, что сказал им перед отъездом Муй и из уважения к нему не могли нарушить клятву. Поэтому все они спешили, прекратили распевать и миновали тенистую рощу в полном молчании.

И хотя долгая дорога изнурила их, а жажда жгла им горло, они добрались до селения Айкуны целыми и невредимыми и тотчас были посажены за праздничный стол, который ломился от яств и всяческого питья.

Всю ночь они пели и плясали, ибо по местному обычаю свадьбы справлялась дважды, сперва в доме невесты, а затем у жениха.

Наконец, когда звёзды побледнели и начали меркнуть, а на горизонте зарделось зарево зари, все гости и невеста с ними, отправились в путь в сторону Ютбины.

И в дороге они ни на минуту не прекращали веселья. Конские колокольчики радостно звенели, с гордостью возвещая, что в сопровождении могучего эскорта к господину едет его невеста. Им то и дело попадались незнакомцы, которые радушно приветствовали их и присоединялись к всеобщему ликованию, выпивая за здоровье новобрачных стаканчик вина, исполняя заздравные песни и желая счастья Айкуне, невесте “богатыря Гьето Башо Муя.”

В скором времени гости вновь достигли тенистой рощицы, насчёт которой Муй в самом начале всех предупредил и там все разом прекратили веселье и погрузились в молчание, точно так, как сделали накануне. Однако на сей раз Диздар Ага, второй по старшинству в дружине после предводителя, решил не следовать наставлениям Муя, ибо был старше и годами и не любил, чтобы кто-либо властвовал над ним.

– Послушайте, сватья-братья! Из всех вас я старейший, старше самого Муя и я проезжал мимо этого места множество раз. И мы всегда делали здесь привал, плясали, веселились и освежались

водой из родника и с нами ничего не случилось. Мне кажется, Муй проявляет коварство, испытывая нас на верность себе, это ясно как день: он хочет, чтобы мы поторапливались, нигде не задерживаясь, ибо ждёт-не дожждётся, когда сможет поцеловать сахарные уста своей молодой жены.

Все рассмеялись в ответ на эти слова, а многим они показались не лишёнными правды, так как солнце палило нещадно и все измучились от зноя. Подобно падающим друг за другом костяшкам домино все спешили и подошли к краю кристально-чистого озера, образованного горным ключом.

Расположившись кругом на мягкой траве, они принялись подкрепляться из своих корзинок. Некоторые запели, начали перебрасываться шутками и пустились в пляс, прихлопывая и притопывая; другие же стали купаться в источнике и вскоре взумтили в нём воду. Горы, возвышавшиеся кругом, эхом разносили по всей округе звуки этого буйного веселья.

И вдруг позади послышался устрашающий рёв, от которого затрепетали даже храбрейшие из храбрых. Угрожающе засвистел ветер и, сорвав листву с верхушек самых высоких дубов, погнал их тремя вихревыми столбами; теперь уже они плясали и раскачивались там, где прежде танцевали люди, а часть их коней понеслась прочь в диком испуге.

Все замерли в ужасе при виде того, что творилось. Вода в источнике тотчас замёрзла и превратилась в лёд, а когда вихри улеглись, на их месте оказались три разгневанные феи. Не молвя ни слова, они вскинули свои волшебные палочки и все люди тотчас окаменели, а те лошади, что не разбежались, превратились в засохшие древесные стволы. И вновь воцарилась мёртвая тишина: ни плеска, ни песен, ни ветра в ветвях, ни птичьих свистов. Единственным звуком в этом безмолвии был звук капли оттаивавшего горного источника, становившийся все настойчивей по мере того, как лучи солнца делались всё жарче.

Однако невеста Муя почему - то оказалось нетронутой и продолжала стоять в безмолвии, точно так же, как стояла минутою раньше среди людского веселья. В своём белоснежном свадебном наряде дивной красоты она с изумлением, не веря своим глазам, всматривалась в окаменевшие лица тех, кто всего несколько мгновений назад были так полны жизни. Что ей было делать? Она была в полной растерянности, ведь прежде ей никогда не доводилось бывать за пределами своего края. И некому было её утешить и помочь ей выбраться из этой беды.

Внезапно перед ней возникли разом все три феи. Их лица, и так сморщённые от старости, были ещё искажены гневом. В мгновение ока они накинули несчастной невесте мешок на голову и потащили её к себе в пещеру, находившуюся

поодаль, под сенью деревьев. Как Айкуна ни билась, пытаясь вырваться, всё было напрасно. Внутри пахло влажной землей и сырým мхом. В пещере царил сумрак, но когда глаза Айкуны обвыклись и ей удалось осмотреться, она поняла, что безнадежно пропала.

Феи не сводили с неё глаз, в которых горел злобный восторг, и они пританцовывали от радости; ведь не каждый день им попадалось такое.

– Где я? – требовательно спросила Айкуна, когда феи немного успокоились, – и почему вы не превратили меня в камень вместе со всеми?

– Ты остаёшься с нами и будешь нам служить, тут для тебя много дела! – ответила первая злая фея.

– Ты будешь готовить нам пишу и прибираться в пещере! – ответила вторая фея, которая была особенно ленивой и неряшливой.

– Ты будешь носить нам воду из источника, потому что охранять его нелёгкий труд и от жары всё время хочется пить! – ответила третья фея, колючих глаз которой было не видно из-за очков в толстой оправе.

*** **

Гьето Башо Муй нетерпеливо прохаживался взад - вперёд перед собственным домом в лучах нестерпимо палившего с самого утра солнца. Куда могла запропасться его невеста вместе со всем

свадебным поездом? На всех уже был накрыт роскошный пиршественный стол, ибо жених хотел всех как следует угостить и оказать каждому из своих дружинников великий почёт за всю их верную многолетнюю службу.

Он все прислушивался не раздастся ли пение или смех, или хотя бы конское ржание; Ютбина располагалась в просторной и глубокой горной долине и эхо в ней разносилось на целые мили.

Его брат Халил, всегда приходивший на помощь в трудную минуту, пытался успокоить его, говоря, что поезд попросту медлит, из - за какой - нибудь непредвиденной задержки в дороге и что нужно просто ещё немного подождать. Но Муй уже истомился в ожидании и, чуя неладное, вскочил на коня и отправился на поиски в горы. Ему было прекрасно известно, насколько беспощадными и жестокими могут быть три злые феи, если их потревожить и потому он, на всякий случай, взял с собой большое количество еды для своих людей, приторочив всё это к седлу своей серой кобылицы.

– Я еду с тобой! – воскликнул верный Халил.

– Нет, Халил, я должен ехать в одиночку. Всякое может случиться и хотя бы один из нас должен остаться в живых. – прокричал Муй в ответ уже из густого облака пыли, поднятого конскими копытами.

Муй не щадил свою кобылицу и уже через час достиг тенистой рощицы на вершине горы. Он спешился и принялся безмолвно бродить по поляне

в поисках невесты и соратников. Ему показалось, что дорогу ему преграждают стволы деревьев, которых тут прежде не было и каменные глыбы, в которых ему чудилось что-то знакомое...И размером и формой они напоминали людские тела, а у многих были и подобия лиц, походивших на лица его боевых друзей и соратников.

“ Гляди-ка, у этой глыбы лицо Зука, а у этой – Буда Али Тали!” вскричал Муй в гнев.Он распознал всех окаменевших дружинников, но так и не нашёл среди них своей прекрасной невесты; сколько бы он ни считал и не пересчитывал, сколько бы ни вглядывался в камень, Айкуны не было. Это так разгневало его, что он долго не мог успокоиться, прийти в себя и начать размышлять о том, что же на самом деле могло приключиться с ней. “Она, конечно, жива!” наконец воскликнул он.

Он снова вскочил в седло и принялся искать свою суженую, тщательно оглядывая луга, горные склоны и те места, где били горные ключи, знакомые и прежде неизвестные. Так он странствовал, час за часом, преодолевая милю за милей. Он заехал так далеко в лесную чащу, что туда не пробивались даже лучи солнца, и лишь когда ветер шевелил листву в кронах, лишь тогда солнечным лучам удавалось на краткий миг достигать сумрачной почвы у корней. И вдруг из этой темени, где и разглядеть - то толком ничего было нельзя, Муй выехал на широкую поляну, посреди которой на закат тёк дивный ручей.

Утомлённый ездой и зноем, он спешился и принялся освежаться в кристальной воде. “Это точь-в-точь как то заколдованное место, которое присвоили злые феи” подумалось ему.

Муй не знал, откуда взялась у него такая уверенность, но он пролежал в засаде на той поляне целый день и всю ночь и ещё два следующих дня.

Лежа в засаде, он видел множество прекрасных зверей, которые приходили на водопой к ручью. На деревьях, стоявших возле небольшой заводи, целыми днями пели птицы, а пугливые косули, думая, что им ничто не угрожает, без опаски подходили к краю водоёма. Видя это, Муй проклинал себя за то, что не прихватил в дорогу лук и стрелы

На третий день ожидания Муй уже начал терять надежду потому что родник, казалось, привлекал лишь зверей. Солнце стояло уже высоко в небе, а всё тело Муя уже ныло от долгой неподвижности. Он медленно поднялся на ноги и внимательно оглядел всю округу. Несмотря на то, что деревья плотным кольцом окружали поляну, сквозь них можно было бы без труда заметить любое движение.

Он всё смотрел и смотрел и, к своему изумлению, заметил наконец крохотное белое пятнышко, возникшее вдали в древесном сумраке. С каждой минутой оно росло и приближалось и сердце Муя забилось чаще. Вскоре он уже смог различить силуэт женщины, которая тихонько

напевала на ходу, а древесное эхо усиливало звуки песни.

Он потерял глаза, в груди его заныло, потому что белое одеяние женщины могло вполне быть и свадебным платьем его пропавшей невесты. А она всё приближалась и приближалась, выходя из сумрака на свет и, наконец, оказалась на опушке под яркими лучами солнца. Муй тотчас узнал её.

– Айкуна, Айкуна! – вскричал он в великой радости.

Они бросились друг другу навстречу, крепко обнялись и некоторое время не могли разомкнуть объятий.

– Айкуна, любовь моя, что приключилось с тобой? Почему ты одна осталась в живых? – задал Муй давно мучивший его вопрос.

– Злые феи сделали меня своей рабыней. Я им готовлю, ношу воду и прибираю в их пещере; вот почему они не лишают меня жизни. Давай, убежим отсюда, о мой дорогой муж! Не дай мне вернуться к ним! – воскликнула она в отчаянье.

– Увы, так нельзя поступить, моя любимая жена! Если ты не вернёшься, они до конца наших дней будут охотиться за нами. И я не могу оставить моих друзей, которых злые колдуньи превратили в камень, также как не могу потерпеть, чтобы мы с тобой попали к ним в рабство. Ради тебя я бы не пощадил своей жизни, но я должен найти способ сделать так, чтобы всё стало как было прежде, а для этого мне нужна твоя подмога.

В ответ на эти слова Айкуна посмотрела своему молодому мужу в глаза, изо всех сил стараясь скрыть своё разочарование. Вновь встретить Муя было для неё величайшим счастьем, но вновь тут же расставаться с ним, даже на краткое время, казалось ей невыносимой мукой. Но в душе она знала, что он прав.

– Что же нам по - твоему делать?

– Ты должна догадаться сама, любовь моя, – отвечал он с улыбкой, – просто помни, что я всегда поблизости и никому не позволю причинить тебе вреда. Будь умницей и делай всё прилежно! Этим и своей добротой ты сможешь завоевать их сердца и тогда они доверятся тебе. Это и станет твоим главным оружием.

– Я исполню всё, как ты сказал, о мой муж и я всё выведаю у них и после поведаю тебе. Сегодня ночью три злые феи собираются на славу попить здесь, у ручья, когда взойдёт полная луна. А я буду прислуживать им, как и подобает рабыне...– сказала в ответ Айкуна.

Время свидания пролетело быстро и она поспешила прочь, унося большой кувшин с водой, чтобы феи ничего не заподозрили.

–До ночи! – крикнул ей вслед Муй.

Она шла так быстро, как только было возможно, чтобы не расплескать воду и была вся запыхавшаяся, когда вошла в пещеру.

– Где ты пропадала так долго? – воскликнула первая фея.

– Воду в источнике взмутили олени, приходившие на водопой, – ответила Айкуна, – и я ждала, пока муть осядет!

– Ну хорошо! – сказали все трое хором.

Вечером, когда солнце уже давно опустилось за горизонт, а ночное небо усеяли звёзды, в нём, прямо посередине, появилась полная луна и залила весь небосвод жёлтоватым сиянием, точно разлился огромный яичный желток. Луна взошла так высоко, что впервые за многие годы вокруг неё засиял ореол света, растянувшийся во все стороны на тысячи миль. В старину такое всегда считалось добрым предзнаменованием.

Злые феи были в прекрасном расположении духа и взяли похищенную невесту с собой, к горному источнику. Усевшись вокруг озерца на зелёную травку, они принялись за щедрое угощение, заранее приготовленное для них Айкуной. Пока они пировали, Айкуна стояла в стороне, низко склонив голову. В душе её всё ныло и она не хотела, чтобы ведьмы заметили это.

Вдруг самая младшая из них спросила:

– Почему ты не присоединяешься к нам? Или тебе нездоровится? Или скучаешь по своим родным, по людям?

– О, нет! – воскликнула в ответ Айкуна, – Бог с тобой, младшая фея! Ни хворь ни тоска по прошлому не терзают меня. Я раньше и мечтать не могла о такой жизни, какая у меня сейчас. Вы все проявляете ко мне такую доброту и любовь, что я и

помыслить не могу об иной доле. Моя жизнь принадлежит вам! И всё, что я для вас делаю, я делаю из любви и с огромной радостью, ибо услужать вам для меня счастье...

Феи были поражены, услышав такие слова. Они не нашлись, что сказать в ответ и продолжали, сидя на мягкой траве, молча потягивать мёд и вино из цветков бузины. Тем временем Айкуна продолжала:

– Всякий раз, когда гляжу на вас, я очаровываюсь вашей красотой: вы кажетесь настоящими женщинами и в то же время вы совсем иные. Вы могущественней и краше тех, кто сопровождали меня, а ведь почти все они были доблестные воины. Никогда прежде я не чувствовала себя такой защищённой, ведь у меня никогда не было сестёр, я была одна - одинешенька у своих родителей, а сейчас я приобрела сразу трёх! – сказав это, она нежно улыбнулась и прибавила, – И всё же мне не даёт покоя один вопрос, который я всё хочу задать вам, но не решаюсь, боясь обидеть и прогневать вас этим...

Феи были так польщены словами Айкуны, что, не чуя ни малейшего подвоха, дружно и с радостью согласились ответить на любой её вопрос.

– Поведайте мне, добрые феи, оттуда берётся ваша волшебная сила?

Едва эти слова отзвучали, как двое старших фей в ярости вскочили на ноги, казалось, готовые

обратить в камень ту, которая осмелилась спросить такое. Но младшая фея успокоила их, говоря:

– Побойтесь Бога, старшие сестрицы! Он тотчас покарает вас, если вы поднимите руку на нашу милую пленницу. Как вы можете так гневаться? Ведь она сперва испросила позволения и мы все согласились дать ей ответ. Она всего лишь смертный человек, а мы феи, она живёт лишь на земле, мы же – и на земле, и на небе. Какой вред может быть нам, если мы ответим на её вопрос? Она наша рабыня, а мы её госпожи!

Две старшие феи успокоились и вновь уселись на свои места, а младшая продолжала:

– Вот ответ на твой вопрос, о бывшая невеста. На свете есть три дикие козочки, которые живут внизу, в долине именуемой Жёлтым Жёлобом, где они и пасутся на воле. И никто не может их поймать, ибо они быстры, как молния и могут одним скачком перепрыгивать с вершины на вершину. Даже волки страшатся их рогов, острых как бритва и способных проткнуть любую плоть лучше всякого меча. От них мы получаем свои колдовские силы и, если кому-нибудь удастся их поймать и удержать хотя бы ненадолго, мы превратимся в обычных женщин. Но я уверена, что этого никогда не случится!

Айкуна поблагодарила младшую из фей за разъяснения и уселась за трапезу вместе с ними. Отужинав, феи принялись танцевать в лунном свете. Звёзды взирали на них с высоты, а Айкуна

смотрела на звёзды с земли. Потом феи, взявшись за руки, улетели к себе в пещеру, а Айкуна в наступившей тишине принялась убирать остатки пиршества.

Недолгое время спустя Айкуна вернулась в пещеру, погруженная в глубокое раздумье. “Конечно, их должно удивлять почему я задала им такой хитрый вопрос и потому они теперь будут не спускать с меня глаз”, размышляла она.

На следующее утро, когда феи ещё спали глубоким сном, Айкуна принялась хлопотать по хозяйству, мести, убирать сор, кропить водой земляной пол в пещере, чтобы прибить пыль. На это требовалось немало воды и было хорошим поводом сходить ещё раз к источнику.

Как она и предполагала, Муй, в нетерпении, уже дожидался её появления.

– Любимый муж, ты очень могуч, но сила фей несокрушима. Бедная - несчастная, я навсегда останусь их рабыней! – воскликнула она в отчаянье, – Есть в округе три диких козочки, с острыми - преострыми рогами из чистого золота и никому ещё не удавалось их поймать и приневолить. В них - то и заключена сила фей, а пасутся они на лугах долины под названием Жёлтый Жёлоб. Даже волки и медведи страшатся их, но если их поймать, то феи тотчас лишатся могущества и превратятся в обыкновенных женщин.

– Послушай, любовь моя! Я найду способ изловить их и тебе больше никогда не придётся

жить в страхе. А злобные феи станут слушаться моих слов; они расколдуют всех, кого обратили в камень и вернут им жизнь, ты же поедешь со славой, сияя красотой, в мой дом.

Айкуна слушала его и отирала слёзы, катившиеся по её бархатным щёкам. Она и верила и не верила своему отважному мужу, как он мог осуществить невозможное?

Едва солнце поднялось в зенит, они расстались. Айкуна пошла назад к пещеру, а Муй во весь опор поскакал в Ютбину. Там он созвал всех, кто желал узнать новости.

– Послушайте, люди добрые, все жители Ютбины! – возгласил он, – Все, кто считают себя хорошими охотниками, пусть соберутся сегодня вечером у меня, да приводят с собой своих гончих и борзых. Подкрепитесь с вечера как следует, ибо на рассвете мы отправляемся высоко в горы, на охоту!

Все присутствовавшие на площади мужчины разбрелись по домам, а вечером триста лучших охотников, с семьёю сотнями собак, собрались в усадьбе Муя, где в свете факелов, силуэт Муя, стоявшего на ступенях крыльца, величественно темнел, а сам он говорил:

–Друзья! На лугах пастбища Жёлтого Жёлоба пасутся три дикие златорогие козочки. Я желаю, чтобы мы их поймали, но при этом все три должны быть целы и невредимы. Мы окружим вершину холма и спустим собак, чтобы они их затравили и не дали никуда уйти. Любой, кто изловит хотя бы

одну козочку, получит щедрое вознаграждение, но если кто - то из вас забудется и в пылу убьёт хотя бы одну из козочек, тот сам погибнет. Если мы не захватим всех козочек живьем, все наши усилия окажутся напрасными.

– Мы пойдём за тобой куда прикажешь, Гьето Башо Муй! – воскликнули в ответ все как один.

Пред самым рассветом, когда природа ещё протирает глаза ото сна, все охотники выехали в сторону гор. Лучшие из лучших, включая Халила, были в свите Муя, а их гончие и борзые бежали рядом.

*** *** ***

Звуки рожков и лай собак разносились по всей округе, когда охотники, разбившись на отряды вместе со своими сворами, окружали холм за холмом. Временами дикие козочки показывались то там то тут и снова скрывались из виду преследователей. Три дня и три ночи охотники без остановки гнали своих жертв по теснинам и долам, по холмам и горам, пока, наконец, козочкам стало больше некуда деться. В глазах их был страх, а в ногах – смертельная усталость, ибо они истратили все силы, стремясь уйти от погони.

Они склонили перед Муем свои грациозные головки, а он взвалил их всех к себе на плечи и с победой отправился назад, в Ютбину. Там он запер

их в загоне, постелив им свежей соломы, дав вдоволь питья и поставив у ворот стражу на всякий случай.

Но что же происходило в пещере у фей?

Не успел Муй запереть ворота загона, как феи начали кашлять, точно больные старухи. Они хлопали своими крылышками, но как ни силились, не смогли взлететь; так в мгновение ока отяжелели их тела. В отчаянье они приказывали ветру, чтобы начал свистеть в деревьях, что росли у входа в пещеру, но ни ветер ни деревья не слушались их повелений, а когда они, обернувшись к холмам, принялись скликать козочек, то никто не ответил на их призывы.

Старшая из трёх фей, видя, что Айкуна улыбается, закричала, свирепо глядя на неё:

– Феи, сестрицы мои дорогие, кто - то поймал наших козочек и запер их на замок!

– Да, – ликуя, воскликнула в ответ пленная невеста, – того, кто поймал ваших козочек, зовут Гъето Башо Муй! Он схватил их и отдаст вам лишь если вы расколдуете всех тех триста воинов из нашего свадебного поезда и всех их коней, которых вы, жестокосердные, превратили в камни и мёртвые стволы...

От таких слов феи впали в бешеную ярость; они схватили Айкуну за руки и связали ей запястья кожаными ремнями. Они завязали ей глаза, голубые и глубокие как небо, чтобы она ничего не могла видеть, бросили её в пещере, а сами пошли прочь.

Они были совсем непривычны к ходьбе, но, лишившись своей колдовской силы, были вынуждены отправиться в Ютбину босиком.

Ступни их вскоре разбились в кровь об острые камни, руки изранились и покрылись глубокими царапинами от шипов колючих кустарников, сквозь которые им приходилось продирааться, а слёзы, которые лились у них от боли, орошали каждый сделанный ими шаг.

Была уже поздняя ночь, когда они добрались до Ютбины. Они точно знали, к какому дому направляться, потому что издали чувляли волшебную силу, исходившую от трёх запертых на замок козочек и это притяжение всё росло и росло, пока, выбившиеся из сил, они кое - как ковыляли по улицам селения. Муй распахнул перед ними дверь и пригласил войти в дом, но феи ответили отказом; они лишь попросили немного времени, чтобы отдохнуть и дать высохнуть слезам.

– Наша судьба в твоих руках, Гьето Башо Муй. Но ты не должен причинять никакого вреда нашим диким козочкам, иначе мы бросимся вниз с самой высокой вершины и все твои дружинники навсегда останутся каменными глыбами.

Скрестив свои могучие руки на груди, Муй с суровым недоверием взирал на жалких ведьм. Старшая фея поняла, что дело не движется и поспешила добавить:

– Если ты отпустишь наших козочек на волю, мы возвратим к жизни всю твою дружину и

сами, в золотой карете, доставим тебе твою прекрасную невесту.

Муй сделал вид, что это его ничуть не интересует, отвечал:

– Мне дела нет до тех, кого вы назвали моими дружинниками, которых обратили в камень... Пусть себе стоят камнями. И о невесте своей я позабыл и думать... Пусть себе служит вам, мне это по нраву. Мне куда больше нравятся мои дикие козочки, просто загляденье! Вскоре я зарежу их к свадебному пиру, потому что утром женюсь на другой. Нежное мясо козочек я изжарю на угощение своим товарищам, а их золотые рога повешу на стену...

Феи были поражены, услышав столь жестокий ответ. А все из людей, находившихся рядом, восприняли их как горькое оскорбление. Феи принялись рыдать в голос, потому что привыкли, чтобы все делалось так, как хотели они.

– Послушай, – вскричала младшая фея, – всякий раз, когда твои воины будут в горах, всякий раз, когда ты будешь в походе со своей дружиной, всякий раз, когда, выехав на охоту, пожелаешь сделать привал и отдохнуть в тенистой рощице у ручья или напиться из него, ты сможешь без боязни делать так: никто тебя не тронет. Мы позаботимся о тебе, если ты проявишь заботу о нас.

Муй погрузился в долгое раздумье, а потом сурово, но смакуя каждое свое слово, ответил:

– Вы феи и всегда должны оставаться феями, но клятва есть клятва, и если вы поклянетесь, то мы расстанемся друзьями. Однако если вы нарушите обещание, я безо всякой жалости прикончу ваших козочек!

И с этим словами он позвал своего брата Халила, велел ему снять замок с ворот загона и выпустить козочек на волю. И едва ворота отворились, козочки выскочили и мигом умчались обратно в горы.

И в тот же самый миг феи почувствовали, как к ним возвращается их прежняя сила. Они пожали руку Мую и Халилу и, точно три луча света, унеслись к своей пещере.

Там они вернули к жизни всех окаменевших воинов и их одеревеневших коней, в число которых попали и многие из тех, что всегда были стволами деревьев. Возникла невероятная суматоха, когда хозяева попытались поймать их.

– Скорее в путь, – прокричали им феи, – Гьето Башо Муй уже заждался вас!

Но людям потребовалось долгое время, прежде чем они смогли расшевелиться и стряхнуть с себя дрему; ведь они спали мёртвым сном семь дней и семь ночей.

Айкуна тоже была освобождена и ехала в золотой карете, которую везли сами феи. Вся Юбитна ликовала, все пели и плясали от радости, потому что всё наконец было позади и все вернулись домой целыми и невредимыми.

И с тех пор три злые феи стали тремя добрыми феями, потому что их смог одолеть человек. При этом они постройнели и похорошели. Они делились водой из своего источниками с жителями Ютбины и своими зелёными волшебными прутиками, тоже. В дни невзгод Халил всегда мог рассчитывать на их помощь и всегда побеждал врагов с помощью их волшебной силы. Но у Муя, как вы помните, были ещё две другие добрые феи – те, которые дали ему его силу и он никогда не забывал своего обещания помогать им, когда потребуется и всегда был готов пожертвовать собой ради них.

Муи и Пай Харамбаш

Н

а дворе стояла безлунная ночь, а Айкуна всё никак не могла уснуть. Она повернулась к Мую, который, напротив, безмятежно спал. И вдруг, будто почувствовав, что на него кто-то смотрит, он открыл глаза и блаженно улыбнулся, увидав рядом с собой любимую жену.

– Почему ты проснулся, Муй? – шёпотом спросила она.

– Мне приснилось, что наша прекрасная кобылица родила жеребёнка, такого ослепительно белого, что всё стояло наполнилось сиянием. А на лбу у него была чёрная звёздочка. Шея у него была высокая и стройная, как горная сосенка, а ножки точёные и быстрые, как у лани.

– Не двигайся с места, любимый! – воскликнула Айкуна, а сама вскочила с постели, мгновенно оделась и побежала в стойло, ощупью находя дорогу в непроглядном ночном мраке.

Именно так всё и было: не успела Айкуна пройти и нескольких шагов по двору, как услышала громкое и пронзительное ржание кобылицы. Она замерла на секунду, задержав дыхание на морозном ночном воздухе, а затем стремглав побежала к дверям стойла. И к её великой радости кобылица действительно родила дивного жеребёночка, шкура которого сияла точно сноп лунного света среди горящих факелов, а тем временем счастливая мать согревала новорождённого дыханием своих горячих ноздрей.

Очень осторожно Айкуна подошла к кобылице и погладила ту по роскошной шёлковой гриве, точно поздравляя с таким прекрасным прибавлением. И кобылица словно поняла это и в ответ слегка подтолкнула своё чадо к Айкуне. Айкуна тотчас в великом волнении побежала назад

в дом, где Муй уже, с большим нетерпением ждал её.

– Благословен ты, Муй! Твой сон сбылся! Пойди и погляди на чудо, которое стоит в нашем стойле!

Муй мигом оделся и поспешил в конюшню, чтобы увидеть всё собственными глазами. И радость его при виде этого дива была столь велика, что весь остаток ночи он провёл в стойле, сидя на соломе и любуясь на прекрасное создание. И ему не пришлось долго ждать, чтобы стригунок сам подошёл к нему и дал себя погладить.

– Прошу тебя, Айкуна, как следует заботься о нём! Корми его только лучшей пшеницей и никогда не давай ему овса, а пои его только вином, чтобы он вырос сильным, и в течение трёх лет не выпускай его на простор, чтобы жаркое солнце не опалило и не ослабило его!

Время пролетело быстро и, окружённый любовью и нежной заботой, жеребёнок вырос в великолепного жеребца. Но он уже давно томился неволей и пронзительно ржал от нетерпения своим дивным голосом.

И наконец пришло время вывести молодого коня на божий свет.

Весеннее утро сияло от яркого солнца, свежие листочки деревьев трепетали на ветру, а белый цвет вишен, точно благоуханный снег, осыпал землю, когда Муй вывёл своего коня в чистое поле. Он всё время пытался его успокоить,

поглаживая ему шею, ободряя и шепча на ухо добрые слова, но необузданный конь никак не желал успокаиваться и всё прыгал и подскакивал.

Те узда и седло, которые Муй прихватил с собою, оказались негодными для того, чтобы обуздать и заседлать такого дикого жеребца и Муй повёл его назад в город, где купил самые лучшие седло и уздечку, изукрашенные жемчугами. Придя на двор к кузнецу, Муй велел ему подковать чудо - коня золотыми гвоздями, чтобы они сияли на солнце всякий раз, когда тот поднимет копыто.

Перед всем народом Муй вскочил на молодого жеребца, который тотчас принялся подскакивать и топотать, ржать и взвизгивать на дыбы; на глазах у огромной толпы зевак, вмиг набежавшей невесть откуда, чтобы поглазеть на такое диво.

Однако пыль и камни, вместе с искрами от ударов о булыжник мостовой так летели из под копыт неукротимого коня, что многие тотчас напугались и разбежались по домам.

Наконец Мую, своим мастерством наездника и уговорами, ласковыми словами и твёрдостью духа, удалось утихомирить буйного скакуна и бойкой рысью они помчались на широкие луга. Там Муй наконец отпустил коня, чтобы тот вволю наигрался и напрыгался.

Целых три часа резвый конь носился по лугу, радуясь тёплому солнышку и упиваясь счастьем своей свободы. Когда же солнце начало

садиться за крыши домов Ютбины, Муй вновь заседлал жеребца и быстрее ветра понесся домой, перелетая через плетни высотой в сажень и в два прыжка преодолевая любой попадавшийся на пути поток.

Весь народ дивился коню Муя, но никто даже не осмеливался прикоснуться к нему никто, кроме Халила, который, глядя его пышную гриву, шептал ему на ухо тёплые слова.

*** *** ***

Ночью, когда весь мир, казалось, спал глубоким сном, а звёзды с головой укрылись тёмным облачным одеялом и скрылись из виду, когда горы от самых высоких вершин до дна самых глубоких ущелий безмолвствовали во мраке, когда даже ветер укрылся в пещере и утих, из дальнего далека донёсся звук лошадиных копыт.

Луна, прежде скрывавшаяся в тёмных тучах, взошла из - за гор на востоке и её красноватое сияние залило небеса и всё, что было под ними, всё, кроме самых глубоких пропастей.

Словно глухой барабан, раздавался звук конских копыт, отдаваясь эхом в дальних холмах. Однако всё остальное было погружено в оцепенелое безмолвие. Не войско ли мертвецов это шагало в колдовском свете луны? А может быть что - то ещё более зловещее?

Нет, то был Пай Харамбаш, предводитель соседней страны под названием Кралия, заклятый

враг Муя и всех жителей Ютбины, которым кральцы завидовали лютой завистью и только и думали о том, как бы присвоить себе их земли.

Его тяжёлая кольчуга блестела в лунном свете, но на тёмном лице его, словно укрытом тенью, лежала печать мрачных дум и злобных помыслов. Он никогда не встречался с Муем, но так много слышал о его славе, что только и мечтал поскорее сразиться с ним и убить его в схватке. Он нарочно выбрал такую тёмную ночь, чтобы под её покровом проехаться по всем горам и долам Ютбины и запомнить все особенности этого края, а может быть и повстречать самого Муя и сразить его, чтобы кральцы смогли захватить и присвоить эту землю.

Но при этом он страшился Муя и потому, каждый раз, отправляясь в свои вылазки, он брал с собой три сотни верных воинов, которые ехали за ним следом как прикрытие и сидели в засаде в ожидании жертв.

В глубокой задумчивости ехал Харамбаш, освещаемый красной луной. Его лихой конь, едва сдерживал свою буйную прыть и шёл шагом. Как только кральцы пересекли запретную черту чужой земли, их наполнил страх перед ратной доблестью Муя. С опаской глядя по сторонам, Пай Харамбаш крепко сжимал рукоять обнажённого меча. Он едва сдерживал свою неукротимую злобу, которая сверкала у него в глазах и лежала на его изборождённом челе, точно грозовая туча.

Некоторое время спустя воины Харамбаша наехали на гонный ключ и пригласили своего предводителя первым испить из него. Казалось, будто свет луны дразнит Харамбаша, потому что он мог поклясться, что видит каких - то двух созданий, очень похожих на фей, пляшущих у края источника. Не две ли невесты то были в своих белоснежных одеяниях? А может быть то были два диковинных цветка, раскачивавшихся от дуновения ночного ветерка? Как бы то ни было, они его не пугали, потому что из - за свирепой злобы к Мую, в его сердце не осталось места даже для страха.

Он не заметил, как слез с коня и пошёл навстречу перепуганным феям, которые никогда прежде не слышали такой тяжкой поступи и такого грома металла и убежали бы прочь, если бы их не сковал ужас.

Хриплым, голосом, больше походившим на волчий рык, он сурово спросил у них:

– Кто вы такие, что пляшете ночью под луной у края горного источника?

– Мы белые феи! – ответили они своими чистыми голосками, в которых так и звенела отвага.

Их бесстрашный ответ так взбесил Пая Харамбаша, что он принялся яростно проклинать их, топая ножищами и размахивая ручищами. Когда он наконец немного успокоился, он вновь спросил:

– Чьи вы помощницы, горные феи? – а затем, вспомнив, что в таких случаях говорят люди этого

края, добавил: – Да приумножит Господь ваши силы!.

– Мы хорошие феи Гьето Башо Муя. Всякий раз, когда он оказывается в большой опасности, мы спешим ему на подмогу, но мы уже научились различать и не летим к нему, если дело пустяковое; пусть в таких случаях лучше управляется сам. А если он обижает кого - то из своего народа или причиняет кому - нибудь боль, мы, в наказание, не откликаемся на его призывы. Мы горные феи и помогаем людям в том, на что они сами неспособны и мы охраняем их предводителя от всех бед и несчастий, ибо тот, кто выроет могилу Мую сам в неё же и упадёт.

Пай Харамбаш тайком улыбнулся такой откровенности фей.

– А сам ты кто? – спросила его вторая фея, – Ты ведь человек? Но почему ты так хмур? Чего тебе надобно в наших горах в столь поздний ночной час? Или мне думать, что все вы призраки, восставшие из могил и, если так, то ступайте обратно, в своё подземелье!

Услышав такое от самых обычных фей, Пай Харамбаш пришёл в ещё большую ярость и свирепо закричал во весь голос:

– Да, я человек, разве сами не видите?! И зовут меня Пай Харамбаш. Я храбрый из храбрых, предводитель народа Кралии и мы пришли сюда, в горы Ютбины, чтобы в битве сразить Гьето Башо Муя и сделать эти земли

своими. Всех пастухов и охотников этой страны я превращу в своих пленников, а все девушки станут рабынями и будут служить моей дочери, которую зовут Белянка Янука.

Никто прежде никогда не говорил так с феями, даже дикие лесные звери не проявляли такой злобы. Это привело фей в негодование и первая из них воскликнула:

– Послушай, Пай Харамбаш, кто бы ты ни был! Никогда прежде мы не встречали такого зверя в человеческом обличье и мы бы тотчас превратили тебя в камень, чтобы даже твоя дочь, Белянка Янука, не смогла тебя узнать. Но на первый раз мы пощадим тебя, потому что ты пожелал нам, чтобы Господь умножил наши силы.

Луна была уже высоко в небе и вторая фея дрожала от холода.

– Нам пора, у нас ещё есть дела с Муем в Ютбине и они не ждут отлагательства. Он наш лучший друг и это хороший повод как следует испытать его... Я не сомневаюсь, что ты так или иначе заплатишься за свои слова...

Пай Харамбаш расхохотался, сотрясая своим пронзительным гоготом всю округу, точно филин заухал на всю долину и ветер разнёс эхо по горам. Он смеялся так, что у него выступили слёзы и покатались по щёкам. А феи только в изумлении глядели на него.

– Лучшего я и пожелать не мог, – с трудом проговорил он сквозь смех, – потому что благодаря

встрече с вами я смогу встретиться и с этим трусом Муем лицом к лицу.

С этим феи покинули Пая Харамбаша, оставив его возле горного ключа, а сами отправились в Ютбину, лежавшую внизу в долине. Луна начала садиться и бледнеть на предрассветном небе и когда они достигли Ютбины, уже занималась заря.

Муй проснулся и выбрался из постели. Было холодно, но, необъяснимым образом, он чувствовал, что его кто-то зовёт. Он разжёг огонь в очаге и через некоторое время в нём уже потрескивали в ярком пламени большие дрова. Он поставил кофейник на угли и подошёл к окну, чтобы поприветствовать новый день.

К своему изумлению, он увидел под большой липой двух существ, напоминавших фей. Они, вместо того, чтобы плясать, как делали обычно, дрожали, явно находясь в дурном расположении духа.

Забыв про кофе, он тотчас вышел к ним и накинул им на плечи свой просторный плащ, чтобы они согрелись.

– Доброе утро, горные феи! – сказал он ласково.

– Доброе утро, Муй! – ответили они.

– Что случилось? – спросил он, по тону их ответа почуяв неладное.

– Мы попали в переделку, Муй и нам нужен твой совет. Нынешней ночью, когда луна была в

зените, мы наткнулись высоко в горах на Пая Харамбаша, дерзкого предводителя народа Кралии. Он желает навредить тебе и погубить народ Ютбины. Он оскорбил нас, а когда узнал, что ты наш друг, то принялся порочить и твоё доброе имя!

Первая фея чуть не плакала и вся тряслась, говоря :

– Муй, мы хотим знать, отомстишь ли ты за нас, встретив обидчика лицом к лицу в поединке, или мы должны будем воздать ему по заслугам по - своему, используя свои волшебные силы?

От таких слов в крови Муя вскипел ярый гнев, но он помедлил с ответом и спросил:

– Он был один или со своими людьми?

– Мы думаем, один.. – отвечали феи.

– Ну хорошо же, – промолвил Муй, – скоро он узнает как Гъето Башо Муй мстит за себя и своих сестёр!

Феи очень обрадовались, услышав такой ответ и тотчас растаяли в воздухе, полетев в свою тайную обитель, чтобы как следует отдохнуть после пережитого той ночью. Муй же немедля вернулся к себе и сразу направился в стойло. Он взнуздal своего белого жеребца, вскочил в седло и возгласил во всю мощь, чтобы слышала вся округа:

– Ну держись, Пай Харамбаш, я иду!

Громовой голос брата разбудил Халила, мирно спавшего в доме. Быстрее молнии он вылетел во двор, уже в полном снаряжении, и успел застать брата.

– Брат мой, куда это ты в такую рань? – спросил он.

Муй поведал ему всё, что рассказали горные феи.

– Я поеду с тобой! – сказал Халил.

Но Муй был настолько уверен в своих силах, что не сомневался в победе над Харамбашем и он принялся трунить над братом, изъясвившим такую готовность помочь:

– А ты не слишком ли ещё юн, чтобы сражаться с чужеземными богатырями? Лучше отправляйся - ка ты на луг и паси овец, ибо там, куда я направляюсь, будет знатная битва и прольётся много крови, а Пай Харамбаш будет посрамлен, как жалкий мальчишка!

Слова Муя уязвили гордость Халила, но он не промолвил в ответ ни слова и позволил брату ехать на бой в одиночестве.

Горные выси тряслись от ударов могучих конских копыт и мечей в ножнах, бившихся о кольчуги, когда два богатыря съезжались на поединок на большой поляне, окружённой холмами, но этим великолепным зрелищем могли наслаждаться разве что парящие в небе орлы.

По силе противники почти не уступали друг другу. Но Муй был более искусен во владении мечом и, сидя на коне, он то и дело наносил Паю Харамбашу удары слева и справа. Биться лицом к лицу было настоящей отрадой для двух таких силачей и они самозабвенно бились, а люди

Харамбаша тем временем все сидели в засаде. Наконец, когда сделалось ясно, что ни один не может пересилить другого, они последний раз скрестили в могучем ударе свои мечи и те разломились пополам прямо у них над головой.

Продолжать схватку верхом стало невозможно и они, соскочив с коней, сошлись в рукопашной. Коварный Пай Харамбаш позволил Мую оттеснить себя к краю поляны, поросшему деревьями и кустами – туда, где прятались в засаде целых три сотни его верных людей. В подходящий момент, со злобными усмешками, они вышли из зарослей и окружили ничего не подозревавшего Муя.

И как бы он ни отбивался, он не мог прорваться сквозь такое плотное кольцо врагов и даже его верный белый жеребец, ударом копыта сваливший коня Пая Харамбаша, не мог потоптать и разметать нападавших и расчисть своему хозяину путь.

Некоторые из людей Харамбаша пытались убить белого жеребца, потому что от него был им великий урон, но Пай Харамбаш, уже когда Мюя стащили с седла, сам закричал:

– Разрази вас гром, болваны! Этот конь мне нужен живём!

Многие бросились в погоню за белым жеребцом, пытаясь его изловить, но он был быстр, точно ветер. Издав громкое ржание, он молнией полетел в сторону Ютбины.

*** *** ***

Халил стоял на крыльце усадьбы и изо всех сил всматривался в даль. Спустя некоторое время он уронил свою белокурую голову на грудь и тяжело вздохнул в сердцах. Все это время, пока он выглядывал брата и его дивного жеребца, за ним наблюдала его мать. Наконец он промолвила:

– Чего ты так печалишься, сынок?

Халил поднял голову и ответил:

– Муй ещё никогда не обходился со мной так жестоко, как сегодня, милая матушка. Он сказал, что я ещё слишком юн и гожусь лишь на то, чтобы пасти овец и коз. А сам уехал на битву с Харамбашем, не думая о том, что всякое может приключиться...

– Не тужи сынок, не сердись на своего брата, он очень любит тебя, просто порой бывает горяч и действует немного поспешно!

Вдруг вдалеке, возле вершины одного из высоких холмов, где вилась пыльная тропа, Халил заметил мчащееся в их сторону облако белой пыли. На глазах оно выросло, и Халил с ужасом понял, что это был несшийся в облаке пыли белый жеребец Муя, но без хозяина в седле. И едва Халил успел сбегать в дом и взять своё оружие, как конь уже, весь в мыле, стоял у крыльца и гневно ржал.

Мать вскричала:

– Куда это ты, сынок?

– В горы, матушка. Муй убит, так и есть, клянусь!

– Нет, – ответила она невозмутимо, – если бы твой брат погиб, даю руку на отсечение, белый жеребец принёс бы к нам его тело.

– Тогда мне всё равно нужно спешить ему на подмогу, он в опасности! – воскликнул Халил не своим от волнения голосом.

Его мать взяла лихого коня под уздцы, словно то был мирный домашний ослик и промолвила:

– Сынок, ты, конечно, отправляйся на поиски брата, но сдаётся мне тебе уже не найти его в наших горах, а в самой Кралии, в их столице. Кральцы взяли его в плен, чтобы проучить нас и поглумиться над ним.

Халила изумили мудрые слова матери и он стал прислушиваться к её советам.

– В Кралии, – продолжала она, – именно там ты сможешь найти брата. Говорю тебе, так и есть. Но не едь туда на белом жеребце, садись на отцовского коня. Он знает дорогу и привезёт тебя напрямиком к старому закадычному другу твоего отца, который живет в Кралии и зовётся Бзем. Он подскажет тебе, что делать и как вызволить брата.

Солнце ещё не поднялось из - за верхушек елей на горах и утро ещё только занималось, когда Халил сел на отцовского коня и, в сопровождении белого жеребца Муя, отправился в сторону Кралии, лежавшей за двумя горами.

Они ехали быстро и уверенно и вскоре после полудня показалась столица Кралии, сверкавшая в лучах солнца в долине внизу. Когда они достигли предместий, Халил отпустил повод и позволил коню самому искать дорогу к дому Бея.

Там он привязал обоих коней во внутреннем двореке и был радушно принят хозяином.

– Ты бывал прежде в нашем краю? – поинтересовался Бэй

– Никогда! – отвечал Халил

– Это дивный край...

– Может быть и так, – рассеянно ответил Халил, – но я тут не для того, чтобы наслаждаться красотами. С нами стряслась беда и мне нужна твоя помощь. Пай Харамбаш пленил и похитил моего брата Муя и я готов на всё, готов убить негодяя, лишь бы вызволить брата. Скажи мне где томятся узники Харамбаша и я не оставлю от темницы камня на камне.

Бэй очень всполошился от таких слов и с сомнением покачал головой.

– Эта задача не по силам такому юнцу как ты, Халил; Харамбаш слишком коварен и могуч даже для такого молодца. Он сметает всех, кто дерзнет встать у него на пути; он готов изрубить на мелкие кусочки любого, лишь бы все увидали, как он силен и беспощаден.

– Но достопочтенный Бэй, ты ведь был лучшим другом нашего отца и ты должен помочь мне! – в отчаянье воскликнул Халил.

Бэй ещё раз покачал своей седовласой головой.

– Целых девять лет, о юноша, я провёл в той темнице, в которую и тебе, кажется, не терпится попасть. Меня выпустили на волю всего три недели назад. Если Пай Харамбаш прознает, что ты гостишь в моём доме, он велит вновь бросить меня в застенки и уже навек, а ключ от замка выбросить в реку, чтобы я до конца своих дней гнил там .

От таких слов Халил пришёл в страшную ярость; ему нужно было переубедить старика во что бы то ни стало. Он вскричал:

– Если ты и впрямь был лучшим другом нашего отца, то ты переоденешься так, чтобы тебя никто не мог узнать и отведёшь меня к стенам темницы, а иначе бери меч и пусть наш поединок решит, будешь ты мне помогать или нет!

Бэй был точно меж двух огней. Страх не давал ему пойти с Халилом, но верность старой дружбе велела откликнуться на просьбу. Видя перед собой гневный взор Халила, Бэй отвернулся, указал рукой на восток и едва слышно пробормотал:

– Темница там, но пойдёшь один, мне нельзя с тобой.

У него не было сил ещё раз встретиться взглядом с глазами Халила, в которых горело презрение. Юный воин резко развернулся и вышел вон, отвязал коней и поехал со двора.

Казалось, у самых его ног, над самой землей перекашивался, трепеща на ветру какой - то будто подбрасываемый ветерком белый платочек. Но то был не кусочек белой ткани, гонимый воздухом, но фея - харинтельница, оберегавшая Халила. Он вскоре заметил её, стоявшую при дороге и державшую в руках травинку, точно крохотный клинок.

– Господин, – пропела она высоким звенящим голоском, – я знаю кто ты и почему здесь и явилась, чтобы помочь тебе. Возьми эту травинку и сделай, что я скажу! – проговорила она почти повелительно.

– Когда увидишь высоченную башню Пая, не падай духом; ведь она выстроена на высоком холме, а сама по себе не так уж и высока. Ворота её закрыты на громадный засов, но стоит тебе лишь коснуться ворот этой травинкой, как они отворятся пред тобой. Войди внутрь и тотчас закрой ворота за собой. Ничего не бойся, потому что Пай со своими людьми ещё высоко в горах, откуда и возвращается, везя с собой твоего плененного брата.

В этот миг, казалось, сам ветер утих, прислушиваясь к словам феи и в объявшей их тишине, фея продолжала:

– Случалось, твой брат Муй немилосердно с тобой обходился и помыкал тобою, как старший; старшие братья частенько с высокомерием относятся к своим младшим и без всяких причин на то. И всё равно, он твой родной брат и ты должен

отомстить за его унижения и за его плен. В башне ты встретишь старого отца Пая Харамбаша, которого зовут Трашем из Мариан. Захвати его в плен и вы будете квиты.

Сказав это, она ещё что - то едва слышно прошептала на ухо Халилу и растворилась в солнечном свете.

Халил прислушался к словам доброй феи и укрыл обоих своих коней в соседнем лесу. Пешком и совершенно без страха он подошёл к башне и тронул ворота травинкой. Они распахнулись так стремительно, что одна из створок сбила его с ног и он полетел наземь. Тотчас вскочив на ноги, он отряхнулся и пошёл тёмным каменным коридором, уводившим вглубь крепости.

Стены башни Пая были и впрямь такими толстыми, что казались несокрушимыми и Халил поначалу замер на месте, страшась, что если зайдёт внутрь, то уже не сможет выбраться на волю. Но постепенно он поборол все свои сомнения и страхи и стал медленно подвигаться тускло освещённым коридором, в конце которого открывалась большая зала. Высоко над головой сияли лучи солнечного света, проникавшие сквозь стёкла гигантского купола. Свет был так ярок, что слепил глаза. Халил быстро пересек залу и вошёл в другую комнату поменьше, где, как и говорила фея, в кресле неподвижно сидел старик, отец Пая.

Халил никогда прежде не видел этого старца. Он был худ, как щепка, его длинные белые

пряди и густые седые брови целиком скрывали глаза. На нём было накинуто что-то белое: непонятно плащ или обыкновенная простыня.

Траш из Мариан изумился, увидев перед собой непрошенного чужака и хриплым грубым голосом потребовал объяснений:

– Кто ты таков и как проник сюда?

– Какая тебе разница, старичок? Вставай, ты пойдёшь со мной! – отвечал Халил голосом, полным презрения.

– Я не могу сдвинуться с места! – соврал старик.

– Коли сам не можешь, я понесу тебя ! – воскликнул Халил и тотчас подхватил Траша из Мариан точно малое дитя.

Пока нёс старика в лес, Халил как следует рассмотрел его землистое лицо. Халил знал, что не стоит испытывать жалость и все же ему было ясно, что сердце старика, окутанного с ног до головы в белое, сжимается от ужаса. Халил крепко, но не причиняя боли, связал своего пленника, вернулся в башню и стал дожидаться возвращения Пая Харамбаша.

Ему не пришлось долго ждать. Гром грубых голосов донёсся со стороны холмов и наполнил собою двор крепости. Многие из людей Пая разбрелись по домам, но сам он спешил вернуться к своему отцу.

– Отворяй ворота и погляди, что я привёз тебе! – прокричал он во весь голос.

Но ответа не было и Пай прокричал ещё раз, громче прежнего:

– Отворяй ворота, отец, или я снесу их!

Так и не дождавшись ответа, Харамбаш, смертельно уставший в походе, потерял последнее терпение и, швырнув наземь доспехи и оружие, с разбегу ударил в ворота так, что двери сорвались с петель вместе с косяком. Щепки и пыль взвились в воздухе настоящим вихрем, но прежде, чем всё улеглось, Халил уже вырос перед Паем и нанёс ему могучий удар прямо в его бараний лоб. Харамбаш рухнул наземь, точно опрокинутый мешок со щебнем.

Халил вышел на солнце и, сквозь продолжавшую оседать пыль, увидел своего брата: на того, словно на вьючную лошадь, были навешены тяжёлые мешки с камнями.

– Скажи-ка мне братец, с каких это пор ты работаешь вьючным коньком? – спросил, труня над ним, Халил.

Муй был так изумлён, увидев тут брата и ещё больше такой его смелостью, что целую минуту не мог вымолвить ни слова. А Халил тем временем, продолжал, с гордой улыбкой на лице:

– После того, как ты уехал, я попас овечек, но потом решил пойти поискать тебя, надеясь застать тебя прямо в поединке с Паем Харамбашем. Но, милый братец, я не думал - не гадал, что застану тебя в таком - то жалком положении!

Сняв с брата тюки с камнями, он помог ему встать на ноги. Подавленный и виноватый, в безмолвии Муй стоял перед своим младшим братом, своим спасителем. И вдруг, откуда ни возьмись появились те самые феи, которые прилетали к Мую перед его походом в горы. Они пели и кружились в счастливом танце, видя, что их друг цел и невредим.

– И вы ещё смеете петь и веселиться! – сердито вскричал Муй, – Почему вы не пришли мне на помощь, когда она была нужна, когда меня окружили три сотни врагов?!

– Потому, милый братец, что мы хотели преподать тебе урок! – воскликнула первая фея, – Ты уже всем показал, какой ты храбрый воин, но твои самонадеянность и высокомерие едва не погубили тебя. Твой младший брат рассчитался с Харамбашем за его коварство и жестокость, как раз когда ты был связан по рукам и ногам и совсем беспомощен... Вот тебе и урок!

– А теперь, Муй, пора перестать сердиться и возвращаться в Ютбину! – воскликнула вторая фея и они запели хором:

Вы братья и братьями останетесь навек,
Повсюду вместе будьте. Жалок человек,
Что не имеет брата...

И братья вернулись в Ютбину, довольные исходом дела. Дружина Муя уничтожила

множество кральцев в последующие годы и эта борьба против постоянной угрозы ещё сильнее объединяла и сплачивала соратников и товарищей Муя. Правителя Кралии и всю его армию настолько истощили тщетные попытки подчинить себе соседние земли, что они решили наконец заключить перемирие с народом Ютбины.

И правитель Кралии торжественно поклялся Мую, что больше не будет нападать на его земли, однако Муй с большим недоверием воспринял такие заявления, хотя и знал, что ничего, кроме мира, не могло быть решением в этом деле. Правитель Кралии пригласил Муя и Халила в свой замок и там в их честь устраивал пир за пиром. На одном из таких пиров правитель наклонился к Мую и сказал:

– Многие годы мы вели войну за те холмы и пастбища...

– Ты говоришь о горах и пастбищах Ютбины? – спросил в ответ Муй.

– Да, думаю, ты прав, – отозвался правитель, – за ваши пастбища полегло много кральских храбрецов, включая и моего брата, Пая Харамбаша. Так будет же мир между нами лучшим памятником ему. Заключим мир и свяжемся узами самой сердечной дружбы!

– Славный правитель, – отвечал Муй, – ты желаешь мира с нами и мы заключим мир, ведь с нашей стороны никогда не было и не будет никакого зла. Пусть наши земли остаются при нас,

а ваши при вас и пусть все будут довольны этим. Ты согласен. Халил?

Халил согласно тряхнул головой, но его взоры и помыслы были устремлены на прекрасную деву, сидевшую слева от правителя. Он не мог свести с неё глаз, а она улыбалась и смело смотрела на него в ответ.

Халил узнал, что её звали Танушей и что она была любимой дочерью правителя.

Долгожданный мир между Ютбиной и Кралией был заключён в тот самый вечер. После этого Муй и Халил попрощались со своими хозяевами, но частичка сердца Халила так и осталась во дворце правителя Кралии...

Омер

Н

а протяжении следующих месяцев правитель Кралии оставался верным своей клятве не посягать на землю Ютбины. Впервые на памяти ютбинцев их горы и перевалы, считавшиеся важнейшими стратегическими высотами, перестали охраняться храброй дружиной чёты и вернулись к своей изначальной, безлюдной дикости.

Муй велел своим людям больше охотиться, рыбачить, предаваться пению и веселью; в общем, жить в своё удовольствие после стольких лет непрерывного бранного бдения и битв. И дружинники с утроенным рвением принялись за свои новые обязанности.

Не только рядовые воины поспешили воспользоваться возможностями новых лучших времён, но сами царственные братья, Муй и Халил, частенько выезжали вместе поохотиться и пропадали в горах с рассвета до заката. И это спокойное, без тревог и опасностей, времяпрепровождение, по - настоящему сблизило их, как то и подобает родным братьям.

Но однажды они сильно поссорились из-за пустякового случая по поводу лисы и это послужило им хорошим уроком, ибо дало понять насколько же они расслабились после многих лет бранного житья.

В тот день они охотились, а потом принялись за роскошный обед, приготовленный им Айкуной.

– Айкуна, сегодня в лесу нам попалась лисица, каких мы никогда прежде не видывали!-- воскликнул Халил, прежде чем отведать тёмных оливок, – У неё был такой прекрасный длинный светлый мех, что мне тотчас захотелось, чтобы из него была сделана роскошная шапка тебе на зиму. Но, увы, дорогая сестричка, в тот момент она как раз утоляла жажду и пила, склоняясь над ключом и я почему - то чувствовал такую жалость к зверю. Я ждал, пока она не напётся, чтобы натянуть лук и пронзить зверя, но пройдоха –лиса подняла свою острую мордочку и посмотрела мне прямо в глаза так, будто читала мои мысли. Я всё же сумел прицелиться, но прежде, чем успел спустить

тетиву, хитрюга махнула своим пушистым хвостом и умчалась прочь.

– Да уж, умчалась! Видал я черепах, которые и побыстрей мчались.. – усмехнулся Муй.

– Не смейся, брат, лисица мелькнула как молния, как только напилась и смочила свой хвостик.. – крикнул в ответ Халил.

– Я все видел, Халил и говорю тебе, никакого она хвоста не смачивала...

– Смачивала!

– Не смачивала!

– Говорю тебе, Муй, так и было, не спорь!

– Нет, Халил, ничего подобного! – не унимался Муй. И так они продолжали препираться, пока это не вылилось в настоящую ссору с криками и взаимными оскорблениями.

Наконец пришлось вступить их матери, чтобы утихомирить братьев.

– Ну - ну, сыночки! Неужели у вас больше тщеславия, чем доблести? Вы честны и храбры, никто не смеет усомниться в этом, но если вы и впрямь желаете узнать кто же из вас лучший, я устрою вам испытание и тогда все станет ясно. – так сказала их пожилая мать и положила им на плечи свои морщинистые руки. – Садитесь на своих коней и поезжайте в Сухие Восточные Горы. Там почти нет ни пищи ни воды. Настолько там бедно и скудно, что в это трудно поверить. И тот из вас, кто дольше продержится без воды, пищи и отдыха и будет храбрее.

Братья взглянули друг на друга с ухмылкой, ибо каждый хотел показать другому, что уверен в своей победе и полон готовности доказать это. Так непримиримо могут соперничать лишь родные братья.

Пожав друг другу руки, они вновь принялись за еду и пировали до тех пор, пока больше уже не могли проглотить ни кусочка. А затем они сели на коней и отправились в сторону Сухих Гор. Всю ночь они ехали, сверяясь по звёздам, которые ясно сияли у них над головой. Они проезжали высокие холмы и пересекали глубокие ущелья, продвигаясь все дальше на восток. Перед рассветом, в самый тёмный ночной час, когда лес стоял, словно окутанный чернильной тенью, как чёрным плащом, двое вскарабкались на высоченный каменный откос.

Было страшно холодно, но не нигде не раздавалось ни звука и так, в ночном безмолвии они стояли на гребне, плотно закутавшись в свои плащи. Затем солнце, наконец, начало медленно - медленно всходить над пустынным горизонтом, расстилавшимся далеко внизу и ночные тени уступили место утёсам, скалам, валунам и всему, что видит глаз в пустыне. Там и тут из марка стали появляться кусты акации и усилившийся свет нес с собою такую радость взору, какой братья прежде никогда не испытывали, словно то была волшебная картина, которую солнце, поднимаясь все выше,

рисовало на безбрежном горизонте сначала огненно - красным, затем пурпурным и, наконец, золотым.

– Брат, – воскликнул Халил, – если мне суждено погибнуть в этой пустыне, то я буду знать, что моя смерть стоила этого грандиозного зрелища!

– Спустимся на равнину! – сдержанно промолвил в ответ Муй.

Три дня и три ночи они, то верхом, то спешившись, странствовали в поисках пищи и воды, заранее зная, что ничего не смогут найти в такой скудной местности. Прошло ещё три дня, и ещё три, пока однажды на рассвете Халил не возопил:

– Брат мой, это выше моих сил! Зной убил во мне дух жизни. Если мы и сегодня не отыщем воду, я прикончу своего коня и напьюсь его крови...

Муй был почти в таком же отчаянье, как его младший брат, но держался из последних сил. Едва слышным, прерывающимся голосом, в котором, однако, звучало торжество, он прокричал окружавшим их безжизненным пескам:

– Ну, братец, кто же из нас сильнее?!

– Ты, Муй, – отвечал Халил, которому было уже все равно, – давай же поторопимся, я умираю от жажды!

– Мы сейчас сядем на коней и отправимся напрямик в долину Жёлтый Жёлоб . Зной иссушил и меня до последней капли...

Они тотчас сели на коней, тоже изнуренных голодом и жаждой и поехали назад туда где было

безопасно для жизни, где расстилались знакомые пышные луга. Трава в Жёлтом Жёлобе была высокой и сочной, а из - под камней тут и там били водяные ключи.

Добравшись до первого из них, они припали к воде и не отрываясь пили три часа подряд, пока не осушили родник до дна... Напившись эдак, они почувствовали, что от истомы и довольства, едва могут двинуться и, найдя поблизости тенистое место, прилегли там и тотчас уснули мёртвым сном.

Они лежали точно бездвижные валуны и не подозревали об окружающих их опасностях; ведь правитель Кралии по имени Вук Харамбаш, окрепнув и усилив своё войско за время перемирия, нарушил обет, данный народу Ютбины и без приглашения, в окружении многочисленной вооружённой свиты, отправился на охоту в её горы.

К своей радости он застал своих врагов спящим и тотчас велел связать и заковать их в цепи, отвезти в Кралию и бросить в самую тёмную темницу в самом глубоком подземелье. Туда ниоткуда не проникал дневной свет и горели на большом удалении друг от друга дымные и чадные факелы.

Братья проклинали собственную леность и неосмотрительность, но радовались наконец тому, что их было двое и они вместе.

Однажды ночью Халил сказал брату:

– Не так страшно, что правитель Кралии нарушил свою клятву. Эти поганые людишки не

имеют о таких вещах ни малейшего понятия. Не так страшно, что мы томимся в застенке, но страшно то, и у меня сердце обливается от этого кровью, что, на родине не осталось никого, кто бы смог надёжно защитить Айкуну и нашу матушку.

Даже в сумраке темницы, в неверном мерцании факелов во внешнем коридоре, Халилу было видно, что от его слов чело брата помрачнело ещё пуще.

– Я молюсь Богу, Халил, чтобы мы могли поскорее вернуться к ним! У Айкуны под сердцем наш первенец и она нуждается в заботе и защите. В течение последних ночей мне все время снился наш будущий сын и мы благословлены, что его будут звать Омер. Уже к семи своим годам он будет настоящим богатырем и вызволит нас отсюда. Так ему написано на роду и так подсказывает мне вешнее сердце! – с удивительным спокойствием отозвался Муй.

...Прошло несколько месяцев и Айкуна действительно родила мальчика, прекрасного и сильного. Он рос и мужал так быстро, что многие люди думали, что это сын великана, а не обычного смертного. Айкуна же просто улыбалась и с гордостью взирала на то, как он растёт не по дням, а по часам.

Прошли годы, они незаметно пролетели и всё это время о двух пропавших братьях не было ни слуху ни духу и никто не знал, что они томятся в

подземелье замка правителя Кралии. Многие уже оставили надежду когда либо вновь увидеть их и просто продолжали жить повседневными делами.

Когда Омеру сравнялось семь, он уже всех изумлял своим ростом и умом; любой бы принял его за пятнадцатилетнего юношу. Его пытливый ум не знал покоя и насыщения. Он всегда допытывался у взрослых о чудесах, которые есть на белом свете.

Его мать Айкуна научила его многим вещам и доверила пасти стада овец и коз на лугах долины Желтый Жёлоб. Однажды он вернулся домой, весь ликуя. Он воскликнул:

– Посмотри, матушка, я поймал нам зайца на ужин! Теперь я главный мужчина в доме...

С любовью глядя на свое чадо, Айкуна улыбнулась, потому что он был так похож на своего отца, такой же смелый и сильный. Однако, он входил в возраст, когда начал чувствовать своё отличие от других детей; ведь у тех были отцы, которые могли бы научить их и охотиться и сражаться и всему прочему, что отличает настоящего мужчину. Однажды, возвратясь с пастбища усталым, он прямо спросил у матери:

– Скажи мне, ради Бога, был у меня когда-нибудь отец или дядя, или я какой-нибудь несчастный подкидыш?

Айкуна, давно ожидавшая такого вопроса, погладила сына по голове и мягко сказала ему:

– Да, сынок, у тебя был замечательный отец и такой же дядя. Твоего отца звали Муи, а дядю

Халил и они были в Ютбине первыми храбрецами. Но они оба погибли в тот год, когда тебе суждено было родиться и я не могла просить и молиться ни о чём другом, кроме как о том, чтобы ты вырос похожим на своего отца.

Она не хотела говорить сыну всей правды, потому что он был ещё слишком юн, чтобы всё понять.

– Посмотри, Омер, именно в этом же сундуке, где ты сейчас сидишь, я храню подозрную трубу твоего дяди, Халила. – вдруг сказала она.

В тот же миг Омер вскочил на ноги и без всякого труда снял с походного сундука и поднял над головой его тяжеленную крышку. Мать вынула оттуда большую подозрную трубу и передала её сыну; тот не мешкая приложил её сначала к левому глазу, затем к правому и так обвёл все ближние и дальние горы и пастбища.

– Матушка!, – воскликнул он в волнении, – что это там белеется на холме? Может быть это снежная лавина или какие - то белые камни, которые сорвал с места и несёт вниз горный поток? А может быть то стадо белых овец, ушедших от своего хозяина?

– Нет, сынок, это молодцы Чёты, славной нашей дружины, которая защищает наши земли от злобных кральцев. Некогда твой отец был их предводителем, а Халил его первым помощником и все воины благоговели перед ним.

Вдруг Омера словно подхватило волной мужества и веры в свои силы и, не молвя ни слова и помчался в стойло седлать коня.

– Куда ты, сынок? – крикнула ему вдогонку Айкуна.

– Мне нужно немедленно познакомиться с теми воинами, матушка, ведь я сын своего отца. Я возьму отцовского коня и его меч, а эти храбрецы - дружинники научат меня им владеть и сражаться, как подобает настоящему воину и я стану одним из них!

Айкуна промолчала в ответ, потому что давно таила обиду на дружинников Чёты: они даже ни разу не попытались вызволить из неволи её мужа и зятя. И потому она считала, что её сыну подошли бы более достойные наставники. Однако, она чувствовала и свою вину в том, что скрывала правду от сына и теперь была не в праве удерживать его.

Видя решительность Омера, она дала ему доспехи Халила, который, хоть и был силач, но великаном вовсе не был и, к её удивлению и кольчуга и латы оказались её сыну как раз в пору. Затем она вручила ему меч Муя и подвела к нему белого жеребца, гордость и отраду мужа.

Айкуна боялась, что этот могучий норовистый конь заартачится и не подпустит к себе такого юнца, однако скакун и не думал брыкаться; он смирно стоял, склонив точёную голову и согнув великолепной дугой шею, а его уздечка мягко

поблескивала в лучах зимнего солнца. Заседлав коня, Омер попытался одним махом вскочить в седло, но не тут - то было; скакун был слишком высок для него.

– Если ты конь моего отца, то должен склонить предо мной на колени! – вскричал Омер, – Сделай так, чтобы я смог на тебя взобраться!

Конь гневно взглянул на мальчишку, который едва доставал ему макушкой до холки. С минуту Омер тоже гневно смотрел на коня и ничего не происходило, как вдруг, будто они поняли друг друга, жеребец встал на передние колени прямо на булыжной мостовой, Омер вскочил ему на спину и они тотчас в рысью выехали за ворота и поскакали прочь.

По всем горам разносилось эхо конских копыт, ударявших о скалы и валуны и все приближавших Омера к воинам Чёты. Наконец Омер на своём громадном белом жеребце возник перед ними и вся дружина изумилась, увидев юного наездника, который столь лихо управлял таким конем.

Он спешился и поприветствовал их. Ответом ему было молчание. В безмолвии Зук поднялся и уступил место Омеру, чтобы тот мог сесть. Омер обвёл внимательным взглядом лица всех сидевших в кругу, а затем отважно заговорил так, что зазвенел морозный горный воздух:

– Что вам мешает поприветствовать меня как положено, зависть или злоба? Вы должны знать кто

я таков, но если вдруг вы этого не ведаете, то я скажу вам, что я Омер, сын Гьето Башо Муя и я не боюсь ни вас, ни наших общих врагов, клятвопреступных кральцев.

Ютбинские храбрецы переглянулись, затем опустили глаза и Омеру стало не видно что у них на лицах. Все они были поражены, но воинская гордость не позволяла им дать такому юнцу увидеть свою потрясённость, ибо слова Омера были словами не мальчика, но мужа. Он был точная копия своего отца, их былого доблестного предводителя и никто из этих закалённых в боях ратников не мог испытывать к нему ничего, кроме самого доброго расположения.

Один из воинов, постучав по земле концом своей палицы, чтобы привлечь внимание остальных, открыл рот и сказал:

– Если ты и впрямь так смел, Омер, и готов сражаться с врагами, тогда почему бы тебе не отправиться в крепость повелителя Кралии и не вызволить своего отца и дядю, которые уже семь долгих лет томятся там в тёмном подземелье? Всё это время они не снимали того платья, что было на них тогда, когда их схватили, а их бороды отрасли до самой земли и никто из них в течение всего этого времени не видел живительного света солнца. Я содрогаюсь всякий раз, едва представлю их житье.

Услышав эти слова, Омер был потрясён, ведь, оказывается, его родная мать так долго

держала его в неведение. Он встал и, не молвя ни слова, вскочил на коня и помчался назад к дому, где мать уже задавала корму скотине и птице в хлеву.

– Скажи мне, сынок, как встретила тебя храбрая дружина Чёты? – поинтересовалась Айкуна.

– Лучше - ка скажи мне это ты, любезная матушка, ведь я ещё сосунок, а не мужчина и должен бы питаться твоим молочком!

Его юное лицо пылало гневом и как бы ни пыталась мать успокоить его, он и слушать ничего не желал. Оттолкнув её, он снова обратился к своему жеребцу. Айкуна поставила наземь большую миску с кормом для птицы и спокойно пошла в обход их большого дома, чтобы дать сыну время остыть, а, вернувшись, стать к нему лицом к лицу. Омер расстегнул крепеж подпруги и потянувшись, аккуратно снял на вытянутых руках тяжёлое седло. Оно было таким тяжёлым, что в первый миг он пошатнулся под его весом, а затем опустил его на вязанку соломы у сарая.

– Ну, матушка, что же ты медлишь, давай мне скорее свою грудь, твое дитяtko просит молочка. Ты ведь считаешь, что я младенец, иначе давно рассказала бы мне всю правду о судьбе моих отца и дяди Халила. Ясно как божий день, что всем дружинникам Ютбины стало понятно, что ты ничего не говорила мне... – воскликнул он в отчаянье и уязвленной гордости.

– Тише, сынок, успокойся! Я люблю тебя так, что не сказать словами. Сейчас ты уже мужчина и с каждым днём я чувствую за тебя все больше гордости. Ты прав, я утаивала от тебя истину, ибо для ребёнка было бы лучше не знать её, потому что понять такое как должно было бы тебе совсем не легко. Но теперь, когда ты возмужал, я могу сказать тебе, что всё, что поведали тебе те доблестные дружинники, чистая правда и мне совестно, что я так долго скрывала её от тебя. Дважды они предпринимали попытку спасти из плена твоих отца и дядю, но оба раза потерпели неудачу и теперь считают своей главной целью защищать от посягательств неприятеля границу наших земель, что проходит по горам.

Омер посмотрел на мать, а затем перевёл взгляд на вершины гор вдаль. Не молвив ни слова, он повернулся и пошёл в дом. Два дня и две ночи он не пил, не ел и не смыкал глаз, погруженный в глубокое раздумье.

К исходу вторых суток он оделся в зимнюю одежду, вышел на улицу в безлунную ночь и полной грудью вдохнул морозного воздуха. В небесах сияли мириады звёзд, будто взорвался гигантский фейерверк и теперь наполнял всю вселённую чувством безграничной и дивной свободы. Может быть сам Бог таким образом хотел сказать ему что - то по поводу его дум; ведь он не мог припомнить ночи, подобной этой. Он тоже был свободен и это чувство заставляло его сердце

сжиматься при мысли об отце, который томился в темнице и не мог наслаждаться таким великолепием. Пришло время восстановить справедливость.

Омер слушал, как воют волки высоко в горах и эхо разносит их вой по всей долине Желтый Жёлоб; ему казалось, что то был не простой волчий вой, но призыв. В некотором отдалении он заметил два огонька, каждый размером не больше точки, которые, казалось, легко парили над землёй. Он протер глаза, но когда открыл их вновь, огоньки не исчезли, а, к его изумлению, напротив выросли в размерах и сделались ближе. Омер не чувствовал ни малейшего испуга, ничего, кроме всепоглощающего любопытства и следил за тем, как огоньки приближаются к дому. Во дворе росла большая липа, в ветвях которой огоньки вдруг задержались, словно присевшие птицы.

Забыв всякую осторожность, Омер направился прямо к дереву и принялся всматриваться в эти свечения, которые тотчас, прямо на глазах, превратились в двух фей, увлечённо беседовавших друг с дружкой.

Прочистив горло, Омер поприветствовал их, склонившись перед ними в изысканном поклоне. Они улыбнулись ему в ответ и жестами пригласили подойти поближе. До сих пор никому неизвестно, о чём беседовали эти трое, но наутро Омер уже знал наверняка, как ему поступать.

Перед самым рассветом он потихоньку зашёл в комнату к матери, мягко разбудил её и сказал:

– Матушка, мне нужна твоя помощь, нельзя терять ни минуты. Пожалуйста, помоги мне нарядиться так, чтобы никто не смог отличить меня от нищего цыгана -попрошайки. Ещё мне будет нужна дудка, лютня и котомка с едой..

Беспрекословно Айкуна поднялась с постели и сделала всё, как просил её любимый сын. Она даже не пыталась отговорить его от задуманного, несмотря на все те опасности, которые его подстерегали.

Наконец она напутственно поцеловала его в лоб и так крепко обняла на прощанье, что он едва не задохнулся. Затем она отошла в сторону своей лёгкой походкой, в каждом шаге которой чувствовалась великая гордость за юного сына -смельчака, а затем лишь обернулась, чтобы махнуть ему рукой, когда он, уже сев на могучего отцовского жеребца, поскакал на восток. Вскоре не стало слышно ничего, кроме звука копыт, гудевшего в гулком утреннем воздухе.

Омеру предстоял долгий путь, на который должен был уйти весь день до последней секунды. Но его конь был так резв и силен, что перелетал ручьи и речки за один прыжок, а горные перевалы одолевал крупной рысью.

С последними лучами зимнего солнца, за миг до наступления темноты, поглаживая и

похлопывая нывшую и болевшую от долгой скачки спину коня, Омер направил его в лес всего в миле от Кралии.

Несмотря на усталость, Омер вынул из своей тяжёлой заплечной котомки дудочку и пошёл к городским воротам., чтобы поиграть там народу. Очутившись же на городских улицах он, точно большая хрупкая бабочка, задерживался то у двери одного дома, то у двери другого. Звуки его дудочки были так сладки, что люди выходили на балконы и высовывались из дверей и окон своих лавок и домов. Они осыпали незнакомого музыканта монетами, подносили кушанья и вино, не скупясь при этом на слова похвалы. Эта музыка наполняла их сердца покоем и счастьем и в ту ночь они ложились спать в блаженном умиротворении, успев рассказать родными и близким о том, какие чарующие звуки им довелось услышать.

К ночи Омер вернулся в лес к своему коню и оставался там до утра. На следующий день он снова пошёл в город и там произвёл на жителей такое впечатление своей игрой на дудочке, что его привели к самому правителю, Вуку Харамбашу в его дворец, стоявший на высоком холме. В большой зале королевского замка Омер принялся от души распевать свои “цыганские песни” и правитель был заворожён широтой и мощью голоса певца, звучавшего то как самая тоненькая трель самой малой пичужки, то как низкий, печальный гул большого колокола.

На следующий день он снова пел для Вука Харамбаша, которого ещё накануне покорил своим чудным даром. На третий день правитель пригласил в залу и двух своих сыновей, ровесников Омера. Они были близнецы и как две капли воды, были похожи друг на друга во всём, начиная со своих богатых одежд и кончая мельчайшими черточками своих белокожих тонких лиц. У обоих были голубые глаза и копна белокурых волос, завязанных в хвостик по обычаю их страны.

– Пойдём с нами во внутренние покои, цыган и попой нам там! – сказали они ему.

– Нет, я всего лишь бедный бродяга и не смею ступить во внутренние покои, где одна роскошь; я боюсь, что, увидав мои лохмотья, кто-нибудь поколотит меня дубиной и вышвырнет вон... – возразил Омер.

Братья-близнецы переглянулись. На их юных лицах была такая досада!

– Это дворец правителя, а мы его сыновья. Пойдём с нами во внутренние покои, юный цыган, мы желаем наслаждаться там твоей игрой и никто не посмеет прикоснуться к тебе без нашего позволения! – воскликнул один из братьев.

– Вы так добры ко мне! – льстиво сказал им на это Омер, – Так проявите же ещё немного участия ко мне и принесите мне чего-нибудь поесть и попить, ведь со вчерашнего дня у меня не было во рту и маковой росинки, а я и спою вам, и расскажу таких дивных историй, какие вам даже и

не снились. Я научу вас цыганским играм и разным волшебным трюкам и все ваши друзья будут завидовать вам. Но самое дивное я покажу и поведаю вам в лесу, где я ночую и там мои слова приобретут для вас своё истинное значение...

Братья переглянулись. Царским отпрыскам никогда не разрешалось покидать стен дворца, то была обратная сторона жизни в беззаботности и роскоши. Омер предложил им переодеться в самые старые и поношенные одежды, которые они только смогут сыскать и под видом уличных мальчишек ускользнуть из дворца, а затем прийти к городским воротам, где он их и встретит.

Близнецы, в небывалом восторге и предвкушении необычайного приключения, побежали раздобывать себе наряд, а Омер покинул дворец и вскоре все трое встретились в условленном месте. Сыновья правителя только улыбались и не могли вымолвить ни слова, столь велико было их возбуждение. Омер принялся рассказывать им “цыганские” байки, которые только что, по дороге к воротам и сочинил. Юные близнецы ловили каждое его слова и слушали всё, что их новый друг плел, с величайшими вниманием и серьёзностью.

– Что это за песню ты поёшь, бродяга-цыган? – поинтересовался один из них, – Она звучит так печально.

– Я странствую по миру, бываю в разных местах, ведь мы цыгане бродяги от рождения и вам

это должно быть известно, царские дети. Но это песню я узнал по другую сторону здешних гор, в земле Ютбины. Вы слышали про такое место?

– Да, – отвечал другой из братьев, – мой отец гордится тем, что двое первых храбрецов Ютбины томятся пленниками в его подземной темнице уже целых семь лет.

Услышав такое, Омер весь запылал от гнева, но не вымолвил ни слова, боясь вызвать у братьев подозрения. Они всё шли и шли и Омер уже сочинял на ходу новую байку, сплетая в неё несколько волшебных сказок, как делала, бывало, его мать и научила его этому искусству.

Царские дети так заслушались, что не замечали ни дороги, ни того, сколько времени провели в пути; они лишь во все глаза глядели на Омера и рисовали в своём воображении то, о чём он им рассказывал.

Омер открыл им такую свободу, о которой они прежде и не подозревали и близнецы буквально опьянели от этого восхитительного чувства. Всё, что прежде случалось в их недолгой жизни было заранее определено и чётко расписано что говорить, что делать, где играть, что носить, как жить и т.д. Им совсем не оставалось места для полёта детской фантазии и всё же казалось сочень странным, что какой - то цыганский оборванец, их же ровесник, способен рассказывать захватывающие истории, которые заставляли безудержно смеяться и самого рассказчика и его слушателей.

И вдруг, когда они оказались на лесной поляне, один из братьев почувствовал так, точно холод прошёлся по нему своими ледяными пальцами и заставил его задрожать крупной дрожью.

– Становится очень холодно, брат, нам пора возвращаться во дворец.

– Конечно, вы правы, – сказал на это Омер, – но ведь мы весь день играли и утомились и неплохо бы освежиться водой из источника тут неподалеку, а уж затем и пускаться в обратный путь. Если ваша матушка - царица увидит вас такими уставшими, она не позволит вам играть со мною завтра.

Братьям понравилось предложение Омера и они с готовностью побежали к источнику, но к своему ужасу, они обнаружили, что Омер заманил их в западню и крепко-накрепко привязал к стволу дерева, так, что они и шевельнуться не могли. Они так вопили, что над ними тряслись кроны деревьев и как ни пытался Омер их успокоить, всё было напрасно; тогда он пригрозил им расправой и это их утихомирило.

– Говорю вам, харамбашевы сынки, если не замолчите, я скину вас обоих в пропасть и уж тогда вы больше не пикнете!

Он развязал им ноги, а руки оставил связанными, перекинул обоих через седло своего могучего скакуна, сам же сел сверху и так они помчались в Ютбину.

Там запуганные близнецы стали такими же пленниками, какими отец и дядя Омера были в Кралии. С помощью Айкуны Омер сочинил письмо правителю неприятельской страны и той же ночью отправил его. Вот что говорилось в письме:

“О, властелин Кралии,

Вне всякого сомнения исчезновение твоих сынов заставило тебя беспокоиться. Прошу тебя, не утруждай себя этим понапрасну. О них есть кому как следует позаботиться и содержатся они в гораздо более достойных условиях, чем Муй и Халил благодаря твоему беспримерному гостеприимству. Если ты любишь своих сыновей, то исполнишь что я велю тебе, а гордость свою скушаешь на обед – иначе не видать тебе своих деток живыми. В течение ближайших трёх дней ты обязан опустить из заточения доблестных Муя и Халила, или мне не останется ничего другого, кроме как отправить тебе то, что останется от твоих драгоценных чад в каком-нибудь большом кожаном мешке.

Как тебе известно, что посеешь, то и пожнёшь.

Омер”.

А тем временем в Кралии все от мала до велика были брошены на поиски пропавших детей

правителя. Их искали и в лесах, и в пещерах, и на дне глубоких пропастей, на сочных лугах и пастбищах, и где только не искали, но всё безуспешно.

Сам правитель затворился в своих покоях, чтобы никто из посторонних не мог видеть его горя и там он вопил в голос и рвал на себе волосы. Предчувствие неминуемой утраты самого дорогого, наследников престола, переполняло его и жгло, точно яд в крови.

Он любил всем сердцем и свою дочь Танушу, но ведь она была девушка и не могла унаследовать королевский престол.

Письмо от Омера пришло буквально на следующее утро. Правитель, не минуты не смыкавший глаз всю ночь, испытал минутное облегчение. Дети его были живы; но на долго ли, в лапах этих безжалостных албанцев?

Несколько часов кряду он ломал голову над тем, как быть с ультиматумом Омера. В конце концов он до того натёр себе глаза и начесал голову, что они начали кровить и к тому времени он понял, что ему ничего не остаётся, кроме как отпустить своих многолетних пленников сегодня же.

Он спустился в тюремное подземелье. В ноздри ему ударил запах гнили и плесени, но в этих грязных стенах, в зловещем сумраке, среди могильного смрада, оба пленника, Муй и Халил,

были по-прежнему живы, как живое напоминание правителю о его коварстве и жестокости.

Поражённый визитом властелина, тюремщик задрожал, как осиновый лист с ног до головы и трясущимися руками принялся вставлять ключ в скважину замка темницы. Правитель был в таком гневе и смятении, что с криком напустился на бедного перепуганного охранника:

– Отойди от двери, идиот! – прорычал он.

Правитель собственноручно отомкнул дверь и прошёл прямо в камеру, где Муй и Халил сидели на полу так, будто были всё́м довольны. Они повернули головы в сторону вошедшего, но не удостоили его даже кивком головы, не говоря уже о том, чтобы встать на ноги. За долгие годы они так обросли, что их бороды и усы стелились по земле. Немытые и нечесанные, они выглядели как земляные изваяния, но в глазах их светился неслгибаемый дух, а по бегавшим глазам Вука Хапрамбаши они тотчас поняли, что он в большой беде.

Правитель прокашлялся, бросил краткий взгляд на своих пленников и проговорил:

– Вы должны дать мне обещание!...

Братья переглянулись, а затем обратили полный презрения взор на своего притеснителя, стоявшего перед ними в сумраке темницы.

– Может ли рись изменить пятна на своей шкуре? – спросил Муй, обращаясь к брату.

– Конечно нет! – ответил Халил.

– Еще раз говорю вам, пленники, вы должны дать мне обещание! – повелительно выкрикнул правитель, не зная что ещё сказать.

– Правитель Кралии, – отвечал ему на это Муй невозмутимо, – мы уже однажды клялись тебе, но ты, не имея ни малейшего понятия и о чести и верности, нарушил клятву и потому ничего подобного от нас не дождешься. Лучше скажи нам, в чём дело и почему это ты сюда пожаловал?

Правитель тяжело вздохнул.

– Некий Омер похитил двух моих сыновей и грозит убить их, если я не выполню его требований. Мне нужна ваше честное и твёрдое слово, что вы не позволите ему совершить это злодеяние, если я позволю вам вернуться в Ютбину.

Братья переглянулись, едва сдерживая смех; в непростую переделку попал бедный правитель Кралии!...

– Послушай, тиран, мы не можем поклясться тебе в верности, потому что всё тут в руках Омера, а не в нашей власти. Жаль конечно, но тебе самому придётся решать, как вызволить своих сыночков из лап этого страшного злодея. Я уверен, что он так горит мстью, что готов сожрать и тебя самого вместе со всём твоим семейством!..– ответил Халил, пытаясь сдержать улыбку.

– Да кто он, этот Омер? Откуда он взялся?! Я прежде и слыхом о нём не слыхивал!

Муй сурово посмотрел в глаза Харамбашу и сказал:

– Не стоило тебе думать, что ты покорил Ютбину, проявив свою подлую жестокость ко мне и моему брату. Всегда является кто - то, кто возмужав, станет сильнее и Муя и Халила. И сейчас нам нет до этого дела, жалкий правитель. Очень скоро он пойдёт приступом на твой замок и сравниет его с землёй и от него ничего не останется, кроме пепла и золы.

Правитель так рассчитывал на их обещание, что получив отказ, почувствовал себя совершенно бессильным. С минуту он оглядывал всю ту грязь и мерзость запустения, что царила в темнице. Все эти годы он обращался со своими пленниками хуже, чем обращаются со зверьем и теперь испытывал смертельный ужас, видя что, его враги взяли над ним вверх.

Едва слышным голосом, точно преодолевая огромное сопротивление, он промолвил:

– Муй и Халил, вы свободны и можете вернуться на родину. Я не буду вас удерживать!

– Как мы можем выйти отсюда с такими длинными волосами и бородами, мы распугаем всех детей на пути? – сказал Муй, который не мог отказать себе в удовольствии ещё и так помучить своего бывшего мучителя.

Вук Харамбаш в отчаянье закрыл лицо руками.

– Приведите придворных цирюльников, – велел он страже, – и пусть они состригут с них эти заросли, чтобы мои бывшие пленники выглядели

приличными людьми. Накормите их и как можно скорее отпустите!

Цирюльники вбежали в темницу вместе со всеми своими орудиями. Острыми ножницами и бритвами они быстро удалили с лиц и голов Муя и Халила всё, чторосло на них за долгие семь лет, а в коридоре разожгли громадный костёр, чтобы сжечь и волосы и одежду; смрад от этого костра был жуткий. Освобождённых провели в королевские бани и там, впервые за семь лет, они смогли так отмыться, что их кожа засияла как прежде.

Одеваясь в то платье, что с неохотой подавали им их бессильные враги, Муй и Халил распевали от радости во всё горло, а последние остатки своих старых одежд без сожаления сжигали на берегу реки. Когда всё было готово, Вук Харамбаш, сделавшийся кротким как овечка, промолвил тихим голосом:

– Я выполнил свою часть договора, выполните же и вы свою и отошлите мне моих сыночков в целостности и сохранности!...

Ни Муй ни Халил никак не ответили на эту мольбу; они просто повернулись и пошли прочь.

Утро было солнечным и ясным, чистый морозный воздух словно бы пил сладость альпийских лугов и лесов, заворожённых и обездвиженных холодом только что прошедшей

ночи. И всю дорогу братья едва могли сдерживать ликование от вновь обрётённой свободы.

Будучи истинными албанцами, они больше всего ценили именно свободу. Вид больших дроф, пролетавших у них над головой, серебристых лисиц, мелькавших в подлеске и подметавших своими пушистыми хвостами землю меж кустов ежевики и сосновых стволов, увешанных шишками, наполнял их сердца безграничной радостью и весельем.

По дороге Халил смеялся в голос, пытаясь представить себе “ужасного Омера”. Муй тоже думал о своём отважном сыне и ему не терпелось наконец и, впервые в жизни, увидеть его. В конце концов они достигли границ родного края и при виде его их охватило такое чувство, что они точно остолбенели и долгое время стояли в безмолвии, с высоты горной тропы глядя на свой дом в долине.

– Прежде чем мы войдём в дом, брат, я бы хотел устроить сыну одно испытание! – проговорил Муй, выпуская изо рта клубы морозного пара.

Айкуна первая увидела их стоящими во дворе и бросилась к ним, распростёрши объятия; её радости не было конца. Муй ступил за порог и приложил палец к губам, жестом и глазами веля недоумевавшей Айкуне хранить молчание. Он взял свой меч, лежавший у дверей и с ним в руке поднялся по ступеням в комнату к Омеру, где тот играл с королевскими принцами.

Не говоря ни слова, он одним ударом распахнул дверь и, размахивая мечом бросился на принцев. В мгновение ока Омер вскочил на ноги и выхватил оружие из руки собственного отца.

– Как смеешь ты, незнакомец, нападать на моих гостей. Если ты попытаешься сделать это ещё раз, я буду вынужден прикончить тебя! – с вызовом, полыхая своими голубыми глазами, воскликнул Омер.

– Разве ты не узнаешь меня, сын мой? – смеясь сказал Муй, – Я ведь хозяин в этом доме и вдобавок, если не ошибаюсь, ещё и твой отец.

– Тем хуже, если так, – отвечал Омер, – они мои гости и едят наш хлеб. И это так же верно как то, что это говорю я.

Муй взял меч из руки сына, вложил его в ножны, улыбнулся и заключил сына в объятия. И в этот момент Омер почувствовал всю отцовскую любовь к себе и всю нежность этого богатыря. Может быть впервые за всю жизнь слеза скатилась по щеке Муя и разбилась о каменный пол.

...Оба близнеца - принца вернулись к себе на родину целыми и невредимыми, а к народу Ютбины вновь вернулся мир. Говорят, что Омер очень любил своего отца и души в нём не чаял, но за советом обращался чаще к своему дяде Халилу.

Женитьба Халила

З

има. Солнышко светит ярко, да не больно от того жарко.

Резкий ветер воеет в деревьях. Вершины всех гор, от самых низких до самых высоких, покрыты глубоким, непроходимым снегом. Верхний слой талой воды, замерзая вновь и вновь, превратился в

подобие какого - то волшебного дерева. Малейший звук способен пробудить лавину и она, сорвавшись со своего хрупкого ночлега сметёт на своём пути всё, не пощадив ни дерева, ни зверя, ни человека. Сосульки свисают отовсюду, точно летучие мыши, заснувшие вниз головой в своих пещерах.

Все реки тоже скованы льдом. Горные ключи и водопады замерли на весу в окружении естественных, невероятной красоты ажурных решёток из льда и простоят в них до самой весны. Да и сам берег моря не укрылся от морозных объятий зимы, от которых галька на берегу полопалась, точно по ней прошли острым резцом. Витязи Чёты возвращаются из дозора тоже все покрытые плотным куржаком, почти неотличимые из - за него друг от друга. Ледяной ветер бьёт им в лицо и они едут склонившись и опустив головы. Наконец они въезжают в Ютбину и Муй радушно встречает их и зовёт в дом, подкрепиться тем, что приготовила гостеприимная Айкуна.

...Омер положил в очаг лучшее бревно и запах горячей сосновой древесины наполняет грудь воинов знакомым умиротворением. На столе рядами стоят бутылки с вином и огненной ракией а столовые доски, словно от удовольствия, покрываются под тяжестью ломающих его яств. И вскоре дом наполняется смехом и пением и всё это освещает милая улыбка Айкуны.

Ближе к ночи один из дружинников обратился к Мую и сказал:

- Прошу тебя, не пойми меня превратно, когда я стану говорить правду, ведь я говорю из самых лучших чувств. Мы твои друзья и наша преданность тебе и Халилу непоколебима.

- Выкладывай, что у тебя на душе и я не буду таить на тебя никакого зла! - отвечал Муй.

Дружинник волновался и, прежде чем продолжать, долго прочищал горло:

- Почему Халил ходит неженатый? Все его друзья давно обзавелись супругами и небо щедро благословило их детьми, которые играют с Халилом и любят его так же сильно, как мы сами.

- Правда твоя! - раздался голос другого воина, - Халилу пора жениться. Говорят, он слишком много времени проводит в столице Кралии, но боюсь он не тем занят и не ровен час кто -нибудь опознает его и лишит жизни. Разве не найдётся ему достойной жены среди наших, ютбинских, молодок?

- Ваши бы слова да Богу в уши, мои дружинники! - отвечал Муй, - Меня беспокоит то же самое. Я так же как вы печалюсь, видя всё это и жду не дождусь, когда же дело окончится доброй свадьбой... Я бы закатил пир, какого никто отродясь не видывал. Множество раз мне доносили, что он частенько навевывается в Кралию. Я достаточно знаю своего родного брата и могу утверждать, что в его жилах нет дурной крови и что он беззаветно

предан своей земле и нашему делу, но отправляться тайком во вражескую страну это не по добру, да и прятать от всех свои чувства – нечестно, в особенности же в пользу наших заклятых недругов. И если он намеревается нас опозорить, то пусть его поразит молния и пусть могила исторгнет его вон в первую же ночь после погребения!

Халил тихо сидел у огня, неподалеку от Муя и всё слышал. Сначала он, устыдившись, опустил голову, а затем вскинул её, посмотрел прямо в глаза брату и воскликнул:

– Братья! Все воины Чёты пекутся обо мне из добросердечия и великодушия, а ведь я и впрямь в глубокой кручине. Я люблю всех наших ютбинских красавиц, но люблю их как милых сестриц, а сердце моё принадлежит другой и я лучше умру, чем не женюсь на дочери правителя Кралии, Тануше!

В глазах его была печаль, но вместе с тем и облегчение от того, что, наконец, больше не нужно скрывать правду.

– Я повстречал её впервые много лет назад, когда мы заключили мир с правителем Кралии. Нет на свете для меня девушки краше и всё в ней вызывает во мне любовь. Брови её подобны ветвям плакучей ивы, склонившейся над водой. Переносица у неё подобна горной тропке освещаемой луною на рассвете. Глаза у неё как две сияющие спелые вишни. Ресницы её подобны крыльям ласточек, что несутся навстречу

восходящему солнцу, а лицо её нежно рдеет, точно наливное осеннее яблочко, что поспевает к концу сентября, зубы её точно мелкая речная галька, что сверкает на солнце после дождя, а уста её, точно горные лилии, что расцветает на снегу. Мне жизни без неё нет!

Халил был готов продолжать перечислять достоинства своей возлюбленной, но Муй решил, что пора его прервать, потому что такая сила чувств, выразившихся без всякого стеснения, уже начинала смущать суровых дружинников, однако Башо Йона, пожилой и всеми уважаемый воин, невозмутимо промолвил:

– Муй, позволь Халилу говорить, пусть продолжает. Я стар, но я холост и никогда не имел супруги. У меня было множество друзей, деньги, масса женщин, но сейчас впервые в жизни, я раскрываю перед вами своё сердце, так что, прошу вас, послушайте, что я скажу. И я был однажды молод. И я любил такую прекрасную девушку, что словами этого описать невозможно. Но её родители были против нашего союза и её против воли выдали замуж за другого. И очень вскоре после свадьбы она умерла, причинив этим и мне такую боль, что я больше ни разу в жизни не помышлял о женитьбе.

– Не время сейчас, Башо Йона, рассказывать нам старые байки! – проворчал на это пожилой Диздар Ага и, обращаясь к Халилу, добавил:

– Сердце сердцем, а голова головой, Халил. Гляди, не потеряй её и выбрось всё это из головы и

помни, что Вук Харамбаш наш заклятый враг и если тебя схватят в Кралии, то ты снова угодишь в тюрьму, а у них появится хороший повод напасть на наши земли. Выбери какую -нибудь славную ютбиночку и всё будет хорошо!

Многие воины усердно закивали головами в знак согласия, но Халил стоял на своем:

– Да, Диздар Ага, – сказал он, – правда твоя и голова это и впрямь голова, но сердце - то не из камня. Однажды я дал обет Вседержителю, господину небес, морей и всей земли и мне уже не отступить от него. Я либо возьму в жёны Танушу, либо вообще не женюсь! Если она не станет моей женой, сама земля будет мне женой и вы можете думать по этому поводу что хотите...

В зале воцарилась тишина, нарушаемая лишь потрескиванием дров в камине. Халил повернулся к горам и одним ударом отворил дверь:

– Будьте вы прокляты, горные цепи! – воскликнул он во весь голос, – Вы так завалены снегом, что не осталось ни единой тропки, которая бы привела меня к моей возлюбленной. Если бы то было в моей власти, я бы велел морю нахлынуть и растопить ваши снега. А что до вас, воины - дружинники, можете себе толковать промеж собою, а мне пора возвращаться в Кралию, где моя любовь ждёт не дожждётся меня!

Горы слышали все слова Халила до единого и начали рокотать и сотрясаться.

Море услышало призывы Халила и послало тёплый ветер, который растопил лёд на горных пиках и сдул с них снеговые шапки. Лавина за лавиной покатились в бездонные пропасти...

Спустя три дня, в течение которых бушевали грозы, весь снег растаял и горными речками и ручьями стёк в море, смешавшись с его солёными водами. Казалось, что вдруг пришла весна и детишки, под непрерывный звон капли с ветвей на булыжную мостовую, дружно принялись играть на обсаженных деревьями улочках.

На деревьях распустились листья, а Халил объявил своему брату, что немедля возвращается в Кралию.

– Дай мне своего коня, Муй! Настала пора привезти Танушу! – твёрдо сказал он брату.

– Нет, брат, я не дам тебе коня, да и тебя я не пушу!

Халила так огорчили и разгневали слова Муя, что он взял другого коня и помчался в горы, а Айкуна стала выговаривать мужу за то, что он не удержал брата:

– Ты не дал ему своего коня?! Если с ним что -нибудь случится, я буду попрекать тебя этим до самого твоего смертного дня и на самом одре не будет тебе покоя, ибо ты воистину заслуживаешь такого наказания.

Не теряя ни минуты, Муй заседлал своего могучего белого жеребца, который с лёгкостью мог

догнать Халилова коня, поворотил его к горам и тотчас галопом ускакал прочь. Очень скоро он настиг Халила и криком велел тому остановиться.

– погоди, Халил! Возьми моего скакуна и да пребудет с тобой благословение. Но, самое главное, будь бдителен и осторожен!

Халил был поражён добротой и доверием брата, потому что в такую минуту ожидал услышать от него лишь горькие упрёки. Не молвя более ни слова, братья спешили, обнялись, поменялись конями и поскакали в разные стороны.

Халил полетел, как на крыльях; ни одно место на свете не влекло его так, как то, где была его Тануша, но Мую было тяжело на сердце, в нём всё кипело, ибо чутьё говорило ему, что он должен любой ценой защитить брата, а долг звал его назад, печься о своей семье.

Копыта белого жеребца мощными ударами разбрызгивали талую грязь, а Муй ехал шагом, весь в тяжкой думе о судьбе любимого брата.

“Мы защитим его, мы будем оберегать его”, шептали Мую странные голоса, точно из воздуха.

– Кто вы, назовитесь и покажитесь! – воскликнул Муй навстречу им и ветру, но ответа не было.

А Халил всё продолжал скакать по лугам и пастбищам и, наконец, достиг быстрой, чистой как слеза реки, где напоил своего лихого коня, а сам уселся на гребне крутого и скользкого берега. Солнце ярко сияло и густые тени, отбрасываемые

деревьями, скрывали Халила от любых непрошенных взоров. Оглядывая вдруг обнажившуюся местность, Халил пытался представить, как бы всё это могло выглядеть настоящей весной и понял, что в наряде, сотканном из цвета сирени, нарциссов и подснежников с волнующейся бахромой маргариток, место могло быть прекраснейшим на свете.

И вдруг, всего в полусотне метров от себя он заметил молодую женщину. Не страшась и не желая выглядеть невоспитанным, он поднялся на ноги и подошёл к ней, но приблизившись, понял, что то была фея.

– Куда путь держишь, Халил? – прошептала она.

– В Кралию, – ответил он, не в состоянии скрыть правду, – но откуда тебе известно мое имя?

– Я множество раз видела тебя наверху, на пастбищах долины Жёлтый Жёлоб, когда летний бриз, исполняя мои заветнейшие желания, подхватывал меня и нёс над верхушками деревьев и морем волнующихся трав к тебе, хотя ты и никогда не замечал этого. Когда луговое море волнуется у твоих ног, знай, что это я купаю тебя в волнах моей любви. А когда ты слышишь хлопанье крыльев могучего орла, взлетающего к себе в гнездо на верхушке самого высокого дерева, знай, что это я наблюдаю за тобой с высоты. Ибо нет человека на свете, которого бы я обожала больше, чем тебя,

Халил. Но я знаю, что фее никогда не быть супругой человека, что правда то правда.

Халил в изумлении посмотрел на прекрасную, но немного хрупкую юную фею, гордо стоявшую перед ним. Ни на миг не сводя глаз с его пылающего лица, она продолжала:

– Халил, видишь те обширные поля за рекой?

Он кивнул.

– Тебе надо проехать через них, а затем и миновать пастбища, что тянутся за ними, и там будет лес и в нём поляна, а на ней два больших белых шатра, где живут в своё удовольствие и резвятся три сотни юных дев. А позади тех двух белых шатров ты обнаружишь ещё один, самый большой, алого цвета и украшённый штандартами и гербом правителя Кралии. И там ты найдёшь ту, которую ищешь. Но будь осторожен, Халил: королевские солдаты стерегут её день и ночь.

Сказав это, фея вдруг исчезла, а светящийся след, что остался от неё, растаял, точно луч, который втянули в себя дальние горы.

Халил обратил взор к горам и молча поблагодарил дружественную фею, зная, что её смелость не легко ей далась. В раздумчивости он взял коня за поводья и они пошли вброд через реку. Мгновенно ледяная вода проникла в сапоги Халилу и холодом обожгла ему ноги.

Каждый следующий шаг по дну таил в себе опасность; блестящая галька вся была покрыта

скользкой зелёной тиной. Вдруг, споткнувшись, Халил полетел в воду, провалился до пояса и упал на колени. Но могучий конь твёрдо стоял на ногах, гордо держа шею над водой и Халил, ухватившись за поводья, подтянулся и мигом вновь встал на ноги; течению не удалось отнести его прочь. Наконец конь и его хозяин выбрались на противоположный берег. Переход через стремнину так изнурил их, что они едва не валились с ног от изнеможения. Переводя дыхание, Халил стоял подле коня и благодарил его нежным похлопыванием и поглаживанием по великолепной шее. Жеребец тихонько ржал в ответ.

Вместе они пересекли поле и остановились на привал на границе леса. Халилу было крайне необходимо высушить одежду и согреться, чтобы тело вновь начало чувствовать себя. Днём, когда солнце было уже в зените, Халил оставил белого жеребца на привязи, а сам пробрался через лес до границы лагеря. Ему открылось великолепное зрелище: сотни юных дев пели, плясали и играли дивную музыку, а стража невозмутимо и сурово взирала на это. Насмотревшись, он вернулся на свой бивак, поужинал сам, накормил верного коня и стал дожидаться ночи.

Наконец темнота окружила их, точно густая патока; лес поглощал, словно тёмная губка, всё до единого лучи закатного солнца. Соловьи, чья сладкая песня наполняла волшебством ночной

воздух, на миг умолкли в горах, точно недоумевали, куда же подевалась луна...

Им ответили своим блеяньем дикие козы, будто говоря:

– Подождите немного, соловушки! Ни к чему вам все знать, продолжайте себе петь и не беспокойтесь о луне. Сегодня луна занята, ей нужно кое-кого сопровождать...

Была глухая безлунная ночь и Халил предпринял ещё одну попытку приблизиться к лагерю кралцев. Прокрасться по мягкой траве мимо стражников оказалось легко и Халил без труда добрался до красного шатра. До него оставалось не больше семи шагов, но вход в него охраняли трое стражников и единственная возможность проникнуть внутрь незамеченным могла появиться в полночь, когда была смена караула. Минуты томительного ожидания тянулись, точно часы.

Наконец шанс представился: стражники пошли прочь и тотчас послышались оклики тех, что шли им на смену из караульной палатки. Быстрее падающего на жертву орла Халил пробрался под низом полога внутрь и встал перед спящей Танушой, с любовью и преданностью глядя на неё.

– Милая Тануша, – прошептал он, – если бы я провёл с тобой всего минуту этой ночью, прежде, чем меня схватят, то я был бы рад заплатить этим за такое счастье.

На этих словах Тануша пошевелилась, а затем её дивные ресницы и тонкие веки затрепетали и, наконец, её прекрасные глаза открылись и устремились на незнакомца стоявшего перед ней.

Сперва она не признала его, ведь на нём был плотный зимний плащ, но когда он улыбнулся, она тотчас вскочила на ноги и бросилась ему на шею, изо всей силы сжав его в своих объятьях.

– Это и впрямь ты, Халил? – шёпотом воскликнула она, вся трепеща в его руках.

– Да, это я, моя ненаглядная, моя любовь и отныне мы больше никогда не расстанемся! – проговорил он в ответ, глядя её по волосам.

Вытащив меч из ножен, Халил осторожно выглянул из шатра. В верхушках деревьев мрачно ухал филин, но весь лагерь мирно спал и даже стражи нигде не было видно.

Тануша взяла Халила за руку и отвела в отсек шатра, служивший ей гардеробом.

Там рядами были развешены и разложены великолепные одежды. Тануша почесала затылок и задумчиво посмотрела на Халила.

– Это должно подойти тебе, мой отважный Халил, к тому же это твой цвет! – сказала она с улыбкой протягивая ему прекрасное платье из синего бархата, расшитого золотом. Халил залился румянцем.

– Любимый мой, – проговорила он, – если отец застанет тебя здесь, он убьёт нас обоих. Но

если ты переоденешься моей служанкой, мы можем быть вместе сколько захотим.

На следующее утро, едва солнце окрасило верхушки деревьев и шатров, прекрасная чарующая музыка полилась с берега реки. Тануша и Халил, переодетый в женское платье, пошли, держась за руки, к трём сотням девушек, что стирали бельё у реки и пели. Звуки просыпающегося леса, лепет ручейков и гул мощного течения реки, каскадами несшейся к дальним низинам, были таким аккомпанементом их пению, лучше которого и желать было нельзя. Все они разом повернулись, чтобы поприветствовать приближавшуюся к ним юную принцессу.

– Кто эта красавица, которую принцесса ведёт к нам, чтобы мы её поприветствовали? – поинтересовались девушки.

– Это, подруженьки мои, несчастная молодая сирота, у которой нет ни приданого, ни украшений, но она вызывает у меня добрую улыбку и я, как сокровищем, дорожу её дружбой. Она пришла просить у моего отца помощи, но вам лучше продолжать заниматься стиркой и помалкивать! – сказав это, Тануша улыбнулась и приложила палец к губам.

В королевском дворце жена правителя в ту ночь спала тревожным и беспокойным сном. Она все время вскрикивала, обращаясь к супругу,

которым спал рядом с ней и видел во сне куда более приятные вещи.

– Вставай, мой господин и поедем в лагерь к девушкам; мне приснился ужаснейший сон!

Вук Харамбаш резко вздрогнул, просыпаясь и приходя в чувство и в недоумении воззрился на измученное лицо жены.

– Что стряслось, дорогая? – спросил он, – Ты бледнее мела!

– Мне снилось, – отвечала она едва слышно, – что в стадо из трёх сотен белых овец пробрался чёрный волчище. Это может означать только одно, Вук, нашей дочери грозит опасность!

Король не стал терять времени на успокоение супруги, он оделся, вскочил на самую резвую из своих породистых кобылиц и стрелой полетел в лагерь. Девушки всё так же продолжали стирать и петь у реки, когда он внезапно возник перед ними. Преодолевая суматоху и гам, он велел девушкам выстроиться в ряд, чтобы он смог их пересчитать.

– ... двести девяносто восемь, двести девяносто девять, триста, триста одна.. Как такое может быть, Тануша? Одна , кажется, лишняя? – спросил король.

– Отец – отвечала она кротко, – у меня появилась новая подруга, эта бедная сирота, которая скоро выходит замуж и вчера под вечер пришла ко мне, чтобы молить тебя о помощи. Мы

сразу же накрепко подружились и я знаю, что и тебе она поглянется.

То и впрямь была красавица из красавиц и король испытал жалость к ней. Он решил, что лагерь надо свернуть и перенести на другое место, к берегу моря. Ближайший к тому месту город звался Каторр и три дня и три ночи караван из трёх сотен девушек и присоединившейся к ним юной сироты, под охраной королевской стражи шёл со старого места на новое. А конь Халила всё ждал, стреноженный в лесу, своего хозяина. Но Халил с первой же минуты отбросил мысль о возможности немедленного побега. Караван так усиленно охранялся, что было бы безрассудно даже пытаться. Вук Харамбаш был неглуп и хорошенько обо всем позаботился

После долгого путешествия вид лазурных вод, ласкавших берег, мельчайший белый песок пляжей, тянувшихся на мили у подножия береговых утёсов, показался девушкам волшебным сном наяву и они, смеясь и распевая на бегу, бросились к морю. Танушу и Халила отвели в прекрасную высокую башню из гладкого мрамора, окружённую роскошным садом, где росли дивные деревья и цветы и разгуливали чудесные животные. Им казалось, что они на небесах.

Три следующих дня и ночи они ни на минуту не разлучались и никому не позволялось даже приближаться к ним. Они вдоволь пили, ели и

предавались неге, но убежать всё же никак не могли.

Белый жеребец видел из своего леска, как караван снялся с места и пошёл прочь и безошибочным чутьём понял, что и его хозяин там. Он сорвался с привязи и на расстоянии следовал за караваном всё время пути. Наконец он выбрал себе место неподалеку от Танушиной башни, у стены сада и, невидимый для стражи, стал терпеливо ждать.

Ночью небо затянулось грозowymi тучами и над горами молнии уже начали прорезать темноту яркими вспышками. Танушино терпение подходило к концу.

– Я больше не могу этого выносить! – воскликнула она, – Мы сойдём с ума, если не убежим.

– Так что же нам делать? – спросил её Халил со всей серьёзностью.

– Мы украдем рыбацью лодку и поплывём по морю к албанскому берегу. Позови своего коня, Халил и вели ему скакать к дому и ждать там, в безопасности, на берегу.

Халил издал несколько условных совиных криков и, услышав их, белый жеребец тотчас прискакал к стенам башни. Его окружила стража, но ему удалось вырваться из её кольца и достичь берега моря. Могучий конь пытался броситься вплавь, но волны были слишком велики.

Королева как раз прогуливалась под руку с супругом по верхнему краю плато из береговых утёсов и заметила какое - то белое пятно, которое, казалось, боролось с прибоем. Она не смогла разобрать издали, что то было, но тотчас истолковала это как ещё одно знамение.

– Скорее к башне! – вскричала она и, не теряя ни секунды, вскочила в карету и унеслась прочь, оставив Вука Харамбаша в полном недоумении.

Оказавшись у стен башни, королева тотчас принялась что было силы стучать в двери кулаками, но дверь была заперта изнутри.

– Тануша, доченька, скорее отвори, это я, твоя матушка!

Тануше не хватило мужества открыть дверь. Она слышала страшный гнев в голосе матери и прокричала в ответ:

– Прости, маменька, но я не могу. Я уже три дня как хвораю и не хочу, чтобы ты заразилась от меня этой хворью...

– Но я твоя мать и я могу помочь тебе выздороветь. Клянусь небом, я умею и у меня получится- отопри!

Услышав эти слова, Тануша отворила дверь и впустила королеву, но та, увидев Халила, мигом пришла в неопишемую ярость и закричала на дочь, обвиняя ту в коварстве.

– Ты хоть знаешь, кто этот ютбинский негодяй? Как ты могла пойти на такое? – кричала королева, пока на крики со всех ног бежала стража.

На Халила, у которого не было никакого оружия, навалились несколько человек и, пока его связывали, Тануша всё кричала от горя и своей непреодолимой любви к нему. Когда прибыл король, на его челе были гнев и мука; никогда ещё Тануша не видела как в одном человеке могли соседствовать такие чувства. Он занёс руку и ударил Халила со всей ненавистью, на которую способен воин, творящий месть.

– Я так же поступлю и с тобой, коварная дочь, если ты ещё раз попадешься мне на глаза. Прочь отсюда и больше не возвращайся в Кралию! С этого дня у меня нет дочери, а что до тебя, Халил, то на сей раз я не проявлю никакой мягкости и ты лишишься своей презренной жизни. Стража, киньте его в темницу и держите его там до самого дня казни!

Тануша выбежала в город и принялась бесцельно, как потерянная, бродить по его улицам. И никто из горожан не смел её приютить и утешить, потому что все знали, какая кара их ждёт за это. И так она бродила, тая с каждым днём от голода, горя и тоски.

Зима ещё не полностью миновала и холодные ночи казались бесконечными; она пила только талую воду, а единственной пищей служили ей лесные ягоды. Спала она на подстилке из мха и

папоротника, а одеялом ей был ночной колючий мороз. В конце концов у неё больше не осталось сил и она побрела назад, на край города, где и упала без чувств на ступенях дома одной старой женщины.

Та, услышав какие - то звуки за дверью, тотчас вышла на крыльцо и втащила Танушу внутрь, в тепло.

– Бедное дитя, что с тобой приключилось? – воскликнула старушка.

– Я Тануша, дочь короля. Он изгнал меня из страны и собирается казнить того, кого я люблю больше жизни... – едва слышно прошептала Тануша, неотрывно глядя на добрую женщину.

Сердобольная хозяйка дала Тануше большую миску с горячим бульоном и принялась внимательно слушать историю несчастной девушки. Её глаза всё это время лили на Танушу свой мягкий свет.

– Тануша, как ты благословенна и как ты несчастна! – воскликнула хозяйка, дослушав рассказ гостьи, – Несчастлива потому, что тебе приходится странствовать, как нищей бродяжке, а благословенна потому, что выбрала себе в супруги такого доблестного мужа.

Изумлённая такими словами, Тануша воззрилась на свою хозяйку и встряхнула головой, не веря своим глазам и ушам. А добрая старушка продолжала.

– Я уже двадцать лет, как живу здесь. Но родом я из Ютбины. Оставайся у меня, пока полностью не восстановишь силы. Никто об этом не узнаёт и никто тебя не выдаст. А потом я устрою тебе свидание с Халилом!

– Но это невозможно! – вскричала Тануша, – Он в тюрьме и его скоро казнят...

– Не отчаивайся, дитя мое! Муй - то вполне жив и здоров и очень скоро ты вернёшься к Халилу и не пройдёт и года, как вы сыграете свадьбу. Но сперва ты должна как следует отдохнуть и набраться сил здесь, у меня. Это всё, что от тебя требуется!

Сказав это, хозяйка закуталась в зимнюю накидку, вывела из стойла лошадь и поскакала на ней к горам на западе, в которых ей были ведомы все тайные тропы, ведущие в Ютбину. Она знала, как опасно отправляться в такой путь в одиночку, знала, какой коварной бывает погода в горах в это время года и она уже была не так сильна и вынослива, как в молодости, но несмотря на всё это, она не колебалась ни минуты.

Спустя сутки пути эта отважная старая женщина, изнемогая от смертельной усталости, добралась до дома Муя. Когда же она отдышалась и нашла в себе силы поведать Мую о всём случившемся, тот пришёл в ярость от безрассудства своего младшего брата, а затем его охватила великая тревога за них обоих. Лихой белый конь, ускакав от стражи, всё - таки смог найти дорогу

назад в Ютбину, где его ожидали корм и тёплая конюшня. И он прискакал из гор в ту же самую ночь.

Айкуна проявила о дорогой гостье великую заботу, а Омер провёл её в специально отведённую комнату, где она, наконец, смогла как следует отдохнуть. Муй протрубил сбор в свой рог и звук его пронёсся гулким эхом по всем мощным улочкам уже заснувшего было города и огласил окрестные долины.

Все воины вместе с семьями тотчас собрались во дворе усадьбы своего предводителя. Их пепельные лица освещались светом луны, которая уже давно должна была зайти, уступив на небосклоне место солнцу, но она медлила, желая послушать то, что станет говорить Муй.

А тем временем всё население Каторра собралось на площади и с любопытством, в великом волнении ожидало момента казни Халила; не каждый день удавалось увидеть, как полетит с плеч голова ютбинца. Жить ему оставалось всего сутки, но слух о его казни разнёся по всей стране и люди стекались в Каторр отовсюду а, придя раньше, были не прочь и подождать.

Свой последний день Халил провёл в мыслях о Тануше. Он не имел о ней никаких вестей с тех самых пор, как его схватили и она могла быть уже давным - давно мертва. Сердце его рвалось на части и обливалось кровью, когда он представлял все те ужасы, что могла пережить его возлюбленная и всё

же он не терял веры и последней надежды на чудесное разрешение. В самый глухой час той ночи Халил услышал крик малой совки и улыбнулся:

– Что за добрый знак подаёшь ты мне, вещая птица?

Но совка покричала - покричала и полетела себе в лес в поисках добычи. На следующее утро Халила посадили на запряжённую ослом повозку и пока она гроыхала по булыжным мостовым, двигаясь к площади с эшафотом и плахой, народ, собравшийся на казнь и заполнивший все улицы городка, в голос глумился над ним, а многие толкали и пихали его руками. Халил не испытывал никакого страха и держался с нестигаемым достоинством, точно прямоствольный молодой дуб. Он взошёл по ступеням эшафота, не обращая никакого внимания на летевшие в него со всех сторон гнилые фрукты и устремил взор своих ярко - изумрудных глаз на толпу бесновавшихся кральцев. Толпа, состоявшая в основном из неотесанных мужланов, тотчас смолкла. И в этот самый миг Вук Харамбаш, правитель страны, которого все трепетали, тоже взошёл на помост и обратился к народу:

– Посмотрите, жители Кралии, на этого мерзавца Халила, который украл и обесчестил мою дочь, Танушу! Пришла ему пора проститься с жизнью!

Король повернулся к связанному Халилу, схватил того за горло и потребовал грозным голосом:

– Ты хотел взять мою единственную дочь и стать мне зятем, но так может рассуждать только безумец, ибо наши народы заклятые враги и никогда между нами не будет мира. А сейчас, за миг до своей позорной смерти, скажи мне, доводилось ли тебе прежде бывать в более жалком положении и есть ли на свете что - нибудь похуже смерти?

– О да, Харамбаш, есть много чего похуже! – с улыбкой отвечал Халил, – Например когда предаёшь своих друзей, когда нарушаешь клятву, или когда у тебя нечем угостить нежданного гостя. Всё это куда хуже смерти!

Услыхав такие слова, толпа в изумлении воззрилась на Халила. Королю нечего было на это сказать; его пленник вмиг посрамил его. Он убрал руку с горла Халила, резко развернулся и пошёл прочь.

– Ты можешь исполнить мою последнюю просьбу? – крикнул ему в спину Халил.

Король кивнул.

– Тогда я буду петь до самого своего последнего мига.

Кто - то из толпы подал Халилу лютню и как только солнце начало подниматься над горизонтом, он поднял голову и что было сил и души, запел

сладчайшую, но при том очень странную песнь, какую никто никогда не слыхивал в Кралии.

*Вот и пришёл мой последний день,
Горные пики в снегу и укутаны в тень.
Где ты, моя фея и ты, дорогая любовь?
Придёшь ли взглянуть на любимого вновь?
Может, ты уже спишь или вовсе мертва?
Для кого же тогда прощальные эти слова?*

Все люди были потрясены, а король склонился к одному старику, знавшему албанский и попросил перевести смысл слов.

– Мой повелитель, он честит тебя и призывает солнце и фей, чтобы помогли ему и дали ему силы. Таков обычай албанцев.

Король расхохотался.

– Фей не бывает. А солнце, оно здесь наше, так же как земля и море.

И пока король так хохотал, на ветку ближайшего дерева сел воробушек, так, чтобы Халил мог видеть его и без слов передавать ему свои самые тайные помыслы, связанные с братом Муем.

И вдруг, Гьето Башо Муй, который всё это время скрывался переодетым в толпе, издал яростный боевой клич, призывая своих людей и сея в толпе кралцев смятение и ужас. Тотчас горы в гневе задрожали, небо затянулось чёрными грозowymi тучами и на головы зевак полетели

громы и молнии. Они пытались бежать, они пытались спрятаться, но всюду их настигали неумолимые взоры и обнажённые мечи ратников Чёты. И кровь паниковавших заклятых врагов лилась рекой. Кральцы не могли скрыться ни влево ни вправо; всюду их настигали мечи Муевой дружины и вскоре вся земля оказалась усеяна повержёнными. Сражаясь, как лев, Муи проложил себе мечом путь сквозь ряды кральских солдат, плотным кольцом окруживших помост, разрубил путы на своём брате и поднял его на ноги. Уже через мгновение, с оружием в руках, Халил оказался лицом к лицу с правителем Кралии.

– Что ты сделал с Танушей?! – яростно выпалил он.

Но кральский король лишь дерзко встряхнул головой, словно хотел и в последний миг своей жизни ещё подразнить Халила. А в следующий миг Халил уже хладнокровно вонзил меч в королевскую грудь и воскликнул:

– Это в отместку за тебя, моя любимая, где бы ты ни была!

Такой яростной и кровавой битвы двух неприятельских армий не упомянут ни один очевидец и одна древняя летопись. Каторр был сравнен с землёй, а от его высоких башен не осталось и камня на камне.

Когда ютбинская дружина возвращалась домой с победой, навстречу им вышла Тануша, которая хоронилась в придорожном леске, заранее

зная, какой дорогой поедут воины. Добрая фея их не оставила и вскоре они соединились навек. Халил обернулся, бросил последний взгляд на горящие развалины Каторра и проговорил:

“Слушай, о разрушенный город. Любому, кто спросит, почему же правитель оставил тебя без защиты, отвечай: потому что мать предала собственную дочь, потому что отец прогнал её прочь, потому что Муй спас своего брата, а Халил взял себе в жёны свою сладчайшую возлюбленную”

КОНЕЦ

Содержание

Предисловие	3
Крепость Розафы <i>перевод</i> Александр Верников ..	9
Молодой охотник, девушка и чудовище <i>перевод</i> Александр Верников	18
Константинова Клятва <i>перевод</i> А. Верников	27
Клятва Аги Имера <i>перевод</i> Анна Лаптева	38
Гьберг Елез Али <i>перевод</i> А.Верников	55
Сила Муя <i>перевод</i> Анна Лаптева	67
Муй и три злые феи <i>перевод</i> А.Верников	76

Муй и Пай Харамбаш <i>перевод А.Верников</i>	99
Омер <i>перевод А.Верников</i>	122
Женитьба Халила <i>перевод А.Верников</i>	150

Современный албанский писатель Мустафа Тукай родился 14 ноября в городе Шкодра на севере Албании. После того как окончил университет в Тиране, факультет иностранных языков, работал в течении много лет как учитель а потом как писатель – драматург в театре “Мигьени” города Шкодры, один из самых известных драматических театров в Албании.

Он написал много театральных пьес, среди которых:

“Корни любви” (1982)

“Беглецы” (1983)
“Такой конец” (1984)
“Убывшая доброта” (1985)
“Тень вины” (1986)
“Разминирование одного мира” (1987)
“Статья 55” (1991)

Для детей написал книги:

“Синяя майка нр.9” (1978)
“Девушка и флаг” (1978)
“Фотография” (1982)
“Клятвы и феи”(на английском языке) 2003
“Сокровище и дьяволы” (2003)

Мустафа Тукай живёт и работает в городе Шкодра.